

Кассия Сенина

ТЕНИ
ПАРФЕНОНА

Кассия Сенина
Тени Парфенона

«Издательские решения»

Сенина К.

Тени Парфенона / К. Сенина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506142-3

В день церковного Новолетия убит отец Александр Зестос, священник Парфенона, кафедрального собора Афин. Следователь Шекер Хош берется за дело и понимает, что следы преступников ведут в церковную среду. Однако все служители Парфенона то ли в самом деле непричастны к убийству, то ли успешно притворяются и удачно состряпали себе алиби. Но постепенно в ходе следствия выясняется, что под церковной крышей действительно творились совсем не христианские дела...

ISBN 978-5-00-506142-3

© Сенина К.

© Издательские решения

Содержание

ВИЗАНТИЯ- XXI	6
Кассия Сенина	7
Новолетие	7
Свидетели жизни	22
Таис Афинская	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Тени Парфенона

Кассия Сенина

Дизайнер обложки Юлия Меньшикова

Дизайнер обложки Кассия Сенина

© Кассия Сенина, 2019

© Юлия Меньшикова, дизайн обложки, 2019

© Кассия Сенина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6142-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИЗАНТИЯ- XXI

«Византия XXI» – серия романов в жанре альтернативной истории, рассказывающих о мире, где Византийская Империя не пала в 1453 году, но существует до нашего времени – как и прежде, на зависть всем.

На настоящее время в рамках серии созданы следующие романы:

**ЗОЛОТОЙ ИППОДРОМ
ТРАЕКТОРИЯ ПОЛЕТА СОВЫ
ТЕНИ ПАРФЕНОНА
ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС**

* * * * *

Сайт серии в Интернете: <http://byzantium-21.blogspot.ru>

Сообщество серии в Фейсбуке:
www.facebook.com/groups/Byzantium.XXI

Кассия Сенина

ТЕНИ ПАРФЕНОНА

*мне показалось будто тени
сгустились становясь плотней
и вот уже я вижу тени
тений*

(тры)

* * *

*Тот день будет для избранных защитой, а для грешников
расследованием.*

(Книга Еноха)

Новолетие

Приморское шоссе было почти свободно. Слева приветливо искрилась морская синь и тянулся Глифадский пляж, отделенный от магистрали широкой зеленой зоной с парками, небольшими гостиницами и частными домами. Справа глядели сонными окнами отели повыше и жилые дома с магазинами и тавернами на первых этажах. Заправка, парковка, небольшой парк, снова отели... Узкие улочки, отходя от шоссе, скоро поворачивали и исчезали между домов. Витрины и окна скрывались за ставнями и жалюзи, из людей на улицах попадались лишь дворники в ярко-зеленых жилетах да иногда показывался кто-нибудь с собакой на поводке. Берег пропал за поросшим сосенками холмом с церковью на вершине, но вскоре вынырнул снова, промелькнул лес тонких мачат в заливишке – стоянка местного яхтклуба. Такой знакомый пейзаж – и в то же время странным образом каждый день как будто неуловимо другой, новый...

Стояла изнурительная жара, плавившая афинский асфальт весь август, не давая облегчения и по ночам, но в машине было прохладно, играла музыка из фильма «Троя», торжественная и слегка меланхолическая, и можно было представить, что морской ветер снаружи приятен и свеж, а не пышет жаром африканских пустынь. В запасе оставалось сорок пять минут – вполне достаточно, чтобы не опоздать к началу литургии в храм Богородицы Одигитрии и даже застать последнюю треть утрени. Давно прошли те времена, когда Афинаида каждое воскресенье и по всем праздникам ходила на службы, вставая ни свет, ни заря. К тому же завтра начинался учебный год, и не хотелось слишком утомляться накануне: наутро надо быть бодрой и свежей, а сегодняшним вечером едва ли удастся лечь спать рано.

Муж сегодня не поехал с ней, отправился в Академию: в тамошнем храме святого Дионисия Ареопагита будут служить на начало учебного года традиционный молебен, за которым ректор всегда присутствовал. Она могла бы тоже поехать с ним, но ей хотелось причаститься в «своем» храме, без суеты и толпы знакомых, в ее нынешнем положении толкотня слишком утомляла. С коллегами она успеет поболтать и завтра после церемонии открытия учебного года. Ее опять ждали лекции студентам, конференции, научные дискуссии, общение с коллегами... И чуть-чуть привычной женской зависти из-за ее замужества – впрочем, она давно перестала обращать внимание на оценивающие взгляды из-под ресниц. Сколь бы придиричивы

ни были ее судьи, она парила выше критики, но не зазнавалась. Просто ей необычайно повезло, а небо было благосклонно к ее любви, вот и всё, дару судьбы оставалось только радоваться. Ежедневно она пила свое счастье, благодарила Бога и старалась отплатить мирозданию чем могла – научными исследованиями и обучением таких же юных и жаждущих душ, какой была когда-то сама. А скоро, всего через семь месяцев, она подарит миру и кое-что еще...

Придорожный указатель сообщил, что близок поворот на проспект Аристотеля. Афинаида невольно улыбнулась, вспомнив, как в свою первую поездку здесь едва не запуталась на этой простенькой развязке: сейчас такое казалось нереальным и смешным. Да, быстро человек привыкает к автомобилю! Главное при этом – не перестать понимать пешеходов... Внезапно улыбку с губ согнала мысль: «А взяла ли я книгу для отца Елисея?» У духовника сегодня был день рождения, и если Афинаида забыла подарок, получится неудобно... Притормозив, она съехала на обочину, потянулась к сумке на соседнем сиденье и открыла: ура, взяла! Она уже хотела вновь тронуться, как вдруг застыла, широко распахнув глаза. Из можжевеловых кустов чуть впереди у обочины дороги торчали чьи-то ноги.

«Господи, что это?!»

Несколько секунд она сидела с бьющимся сердцем, глядя на жуткую находку, точно на мираж, который вот-вот должен исчезнуть. Но ничего не произошло. Асфальтовая лента дороги, можжевеловый куст и ноги в черных туфлях. Мимо по встречной проехал грузовик, затем в сторону центра промчался на скорости не меньше ста километров сигарообразный серебристый «велос».

Афинаида сделала пару глубоких вдохов и вылезла из машины. Надо посмотреть, кто это и что с ним, и вызвать «скорую»... или астиномию.

Мужчина в черных брюках и коричневой рубашке лежал среди кустов, его голова запрокинулась назад, видны были лишь темно-русая курчавая борода и шея неестественно бледного оттенка над воротником рубашки. Беднягу словно зашвырнуло в эти кусты, и, проезжая мимо на сколько-нибудь значительной скорости, едва ли можно было его заметить.

«Наверное, кто-нибудь сбил его, несся как этот „велос“... Но что он мог делать здесь в такое время? Пошел на пляж и не посмотрел на дорогу? Неужели сбивший просто уехал и бросил его тут?..» Афинаида растерянно огляделась и отметила, что место здесь пустынное. Шоссе перед развязкой почти вплотную подходило к берегу, и от пляжа его отделяли лишь пыльные подстриженные кусты да несколько рядов невысоких деревьев. Пляж вблизи был безлюден – не странно: любители утреннего купания обычно выбирают места получше. Справа за полосой придорожных кустов шел бетонный забор, над которым возвышался длинный синий щит с белой надписью на греческом и английском языках: «Прокат автомобилей». К территории автопроката примыкал ухоженный парк со скамейками, тренажерами, детскими площадками и велосипедными дорожками, который Афинаида только что миновала. В этот час там тоже было безлюдно, лишь между деревьями вдалеке мелькала белая футболка бегуна. Домов поблизости не было, только за парком виднелись белые и желтые малоэтажки.

«Надо вызвать „скорую“! Если его сбили этим утром, то наверняка не очень давно...» Афинаида снова бросилась к машине за мобильником и набрала один-один-шесть.

– Здравствуйте! Я звоню с Приморского шоссе на подъезде к повороту на проспект Аристотеля, возле автопроката. Тут в кустах у дороги лежит мужчина. Видимо, его сбילה машина... Может быть, он еще жив. – Она сглотнула. – Хотя он не шевелится и не стонет... Я вряд ли смогу одна вытащить его оттуда.

– Лучше вам не трогать его, мы сейчас вышлем «скорую». Вы на машине?

– Да, я случайно остановилась именно здесь и увидела...

– Как ваше имя?

– Афинаида Киннам.

– Будьте добры, госпожа Киннам, сообщите нам точные координаты, ведь у вас есть навигатор?

– Да-да, минутку...

Окончив разговор, Афинаида схватилась за горло и, бросив мобильник на сиденье, бегом обогнула машину, чтобы оказаться подальше от найденного мужчины. Она едва успела подбежать к кустам, как ее вытошнило.

«Господи! – подумала она. – Ничего себе Новолетие...»

***

Старший следователь отдела убийств Шекер Хош сидел в таверне «Дипна», в здании через квартал от своего дома и, едва не урча от удовольствия, поглощал магирицу. Этот традиционный греческий суп из бараньих потрохов, очень сытный и божественно вкусный, здесь был не так дешев, как в «Трех Мойрах» напротив Центрального Управления астиномии Афин, но, как и там, подавался круглый год, а не только на пасхальной неделе, к вящему счастью Шекера. Он отсыпался до двух часов дня, послеобеденное время собирался посвятить прогулке на холм Муз, а затем залечь на диван с книжкой. Хош только что закрыл очередное дело, которое оказалось простым и неинтересным, хотя поначалу и представлялось довольно запутанным – собственно, потому его и поручили Шекеру. Но нет худа без добра, зато Хош справился с этим убийством – как выяснилось, банально на почве ревности – всего за два дня. Допивая кофе, он не мог решить, чего ему теперь больше хочется: еще немного повалить дурака или расследовать что-нибудь позапутаннее.

Как случилось уже не раз, его планам на отдых не суждено было сбыться. Не успел Хош выйти из «Дипны», как позвонила напарница.

– Привет! Ты как, отоспался?

– И даже пообедал. Собираюсь немного проветриться. А что?

– Придется нам с тобой проветриваться в Глифаде. В тамошний морг поступил труп, предположительно после ДТП, но патологоанатом обнаружил два пулевых. Дело поручили нам, мне Фаня звонил, сказал тебя разбудить. Ципрас-то в отпуске, опять мы крайние.

Шекер вздохнул и спросил:

– Ты дома?

– Ага.

– Я сейчас заеду.

Напарница вышла из парадной, как раз когда он подъехал к ее дому. Впервые увидев Диану три года назад, Шекер подумал, что она слишком красива для работы в астиномии, но это был единственный ее «недостаток». Умная, наблюдательная, с прекрасной памятью, хорошо тренированная и выносливая, способная с легкостью перевоплощаться, играя разные роли, за всё время совместной работы она ничем не разочаровала Хоша. Родители назвали ее иначе – как, она не признавалась: «не имеет значения», – но она не любила это имя и сменила его, достигнув совершеннолетия. На вопрос Шекера, почему Диана, она ответила:

– Мне нравится ее величество королева Великобритании. Да, непатриотично, но мне плевать. Довольно для патриотизма и того, что я очищаю этот город от преступников.

Шекер подозревал, что какую-то роль в ее антипатриотизме играли детские впечатления, но она никогда не рассказывала о тех годах. Хош знал только, что Диана, окончив школу, порвала с родителями, ушла из дома и поступила в Театральный институт, где с успехом проучилась два с половиной года. И тут во время учебного спектакля произошло нашумевшее убийство третьекурсницы из их группы. Дело расследовал бывший наставник Шекера комит Андрей Даларос. Следствие произвело на Диану такое впечатление, что она сошла с пути

на большую сцену и поступила в Академию астиномии. Теперь ей было двадцать девять, и она считалась одним из лучших асти в отделе убийств.

– Тело нашли у обочины Приморского шоссе, – сказала Диана, сев в машину. – Видно, его выкинули из машины там, а убили в другом месте.

– Если не в машине. Убитый?

– В каталоге «П» не значится.

– Что ж, поехали.

Послеобеденное время в воскресный день было далеко не лучшим для езды по афинским дорогам, особенно сегодня, когда выходной выпал на первое сентября. Начало учебного года перенеслось на понедельник, и теперь одни возвращались домой с отдыха пораньше, чтобы подготовить детей к выходу в школу, другие всё еще носились по магазинам, покупая для отпрысков школьные принадлежности, толпы людей осаждали цветочные лавки, и всё это грозило чудовищными пробками. Проехав несколько кварталов, Хош включил сирену и рванул по разделительной полосе между встречными потоками машин. Диана сидела, вцепившись в дверную ручку и напряженно глядя на дорогу: за три года работы с Шекером она так и не привыкла к его стилю езды. Зато они добрались до Глифады в несколько раз быстрее, чем могли бы.

– Как обнаружили тело? – спросил Хош, когда они выбрались на более свободное Приморское шоссе.

– Некая дама на машине случайно остановилась и увидела ноги в кустах. Вышла посмотреть, подумала, что человека сбили, но он может быть еще жив, и вызвала «скорую».

– И они не сумели на месте определить, что это убийство?!

– Они осмотрели только наружно, но ран не заметили. Зафиксировали смерть и отвезли тело в ближайший морг. Видимо, крови не было, хотя это и странно. Сейчас узнаем, в чем дело.

– То есть тело на месте не сфотографировали, и само место никто не осмотрел?

– Подозреваю, что нет.

– Скверно. – Шекер нахмурился.

– Но у них должны быть координаты места. Будем надеяться, что его не затоптали.

Морг внутренней отделкой сразу напоминал, в каком районе они находятся: сверкающая белизна стен, покрытые искусственным – а может, и настоящим? – мрамором полы, геометрический узор из светильников на зеркальных потолках. Богатые люди даже мертвыми хотели лежать в красивом месте, где ничто не оскорбило бы их эстетический вкус, будь они живы. Смуглый санитар белозубо улыбнулся, выдал по-летнему одетым астиномам утепленные белые халаты, бахилы и латексные перчатки и провел в просторную секционную. Хош никогда еще не бывал в этом морге: в Глифаде, одном из самых благополучных в криминальном отношении и хорошо охраняемых районов Афин, убивали редко, а местные асти походили на довольных котов. Патологоанатом оказалась невысокой миниатюрной брюнеткой по имени Альфия Ласку, но Шекер, взглянув на ее руки, понял, что силы ей не занимать.

– Две пули, – сказала она после обмена приветствиями. – Первая в грудь, вторая в голову. Вторая была лишней: он был уже мертв.

– Контрольный выстрел? – пробормотала Диана.

– Я не стала проводить вскрытие. Как увидела раны, сразу позвонила в астиномию. Скоро за ним должна придти машина из вашего морга. Но я провела внешний осмотр и первичные замеры. Примерное время смерти – около шести утра. – Альфия подошла к пульту, нажала на кнопку, и из стены справа выдвинулся ящик-носилки с телом. – Убийцы запихали труп в какое-то тесное место, где он какое-то время находился. Возможно, между передним и задним сиденьями автомобиля. А потом его вытащили и закинули в кусты.

Убитый был мужчиной лет пятидесяти или чуть старше, темно-русый, с небольшой благообразной бородой, высоким лбом с залысинами и приятными, не лишенными тонкости чер-

тами. Но особенно поражало застывшее на его лице необычайно скорбное выражение: умерший точно был потрясен какой-то страшной несправедливостью.

– Господи! – прошептала Диана.

Шекер ничего не сказал, но и у него дрогнуло сердце при взгляде на эти печальные черты.

– Сними отпечатки, – велел Хош напарнице, а сам стал изучать следы от пуль.

– Убийца – либо профессионал, либо ему случайно удалось попасть прямо в сердце, – сказала Альфия, – крови почти не вытекло. Как и из раны на голове. Ту, что вытекла, убийцы убрали.

– То есть обработали раны? – уточнил Шекер.

– Да. Он был в рубашке, надетой на голое тело, но на ней нет ни отверстия от пули, ни крови. Только несколько небольших прорывов на спине – видимо, от кустов, где его нашли. Вокруг раны на груди кровь стерли, а саму рану заложили ватным тампоном и закрепили скотчем. Видите, вот следы от него.

– То есть его убили, обработали рану и переодели в другую рубашку.

– Очевидно. Вокруг раны на голове кровь тоже убрали, и под волосами отверстия не видно. Поэтому врачи из «скорой» ничего и не заметили.

– У вас есть координаты места, где его нашли? – спросил Шекер.

– Да, вот. – Альфия подошла к столику у стены, взяла оттуда лист бумаги и протянула ему. Хош достал из сумки планшет и открыл карту.

– Да, видимо, убийца планировал выдать это за ДТП, чтобы выиграть время, – заметил он спустя несколько секунд. – Удобное место для выброса тела: домов рядом нет, забор, парк, пляж неухоженный, пешеходные переходы далеко, машины наверняка несутся как угорелые. Если б не случайность, его бы не скоро нашли.

– Странная случайность. – Диана хмыкнула. – Так точно остановиться...

Она уже достала считыватель, включила и начала прикладывать пальцы убитого к специальной панели. Огоньки внизу панели замигали: программа начала поиск. Наблюдая или сам осуществляя эту процедуру, Шекер благословлял технический прогресс: с тех пор как население Империи перешло на биометрические паспорта, куда были включены отпечатки пальцев, и всех граждан занесли в единую электронную базу, определение личности занимало считанные секунды. Переход на новые паспорта обсуждали до этого лет пять, но после неудавшегося бунта против императора осенью две тысячи одиннадцатого года Синклит, на волне верноподданнических чувств и опасений новых беспорядков, одобрил паспортную реформу почти единогласно, для ее проведения был выделен год. Вот уже шестой месяц, как все подданные Империи получили новые паспорта, однако многие граждане, причем вполне добропорядочные, были этим обстоятельством недовольны, рассматривая его как ступень на пути в «электронную тюрьму». Но астиномам жаловаться было не на что: новая система облегчила им работу и, кроме того, повлекла за собой обновление компьютерного обеспечения и другие технические инновации. Морги также снабдили считывателями отпечатков пальцев, но лишь с каталогом «П», где значились осужденные когда-либо преступники. Ко всей базе целиком имели доступ только астиномы и пограничники.

Устройство в руках Дианы пискнуло, замигало зеленым огоньком и выдало вожденную информацию:

АЛЕКСАНДР ЗЕСТОС. *Дата рождения:* 30.08.1957 (56 лет).
Родители: Александр Зестос (1931—2002) и Нина Зесту (1931—2010).
Сестра: Ирина Зигавина (р. 1959). *Жена:* Валентина Зесту (р. 1961).
Брак заключен 14.05.1985. *Дочь:* Лариса Зесту (р. 1989). **Образование:**
Техническое училище (1975—1978); Афинская Духовная академия (1983—1986). Доктор богословия. Место работы: Завод механики и оптики (01.08.1978—25.08.1983), механик; приход храма Богоматери Афинской

(Парфенон), штатный священник (20.06.1986 – настоящее время). **Место жительства (постоянное):** Афины, 78573, улица Иерофея Афинского, д. 11, кв. 24.

Когда Диана дочитала вслух эти сведения, они с Шекером поглядели друг на друга, синхронно подумав: «Вот черт!»

***

Когда они снова оказались в машине, Хош закурил.

– Неприятное дельце, – сказал он, выруливая за ворота морга. – Без воплей в прессе не обойдется.

– Да уж, – пробормотала Диана, вынимая из папки копию отчета «скорой», сделанную для них Альфией. – Не понимаю, почему эти медики не вызвали астиномов сразу, если предположили, что это ДТП?

– Предположили, вот-вот. Точнее, так решила женщина, нашедшая тело... Кстати, посмотри там, кто она.

– Сейчас. Так... Тело нашла Афинаида Киннам. Ого! Неужели та самая?

– Кто это?

– погоди, проверю, тут есть ее адрес. Глифада... Да, это она. Жена ректора Афинской Академии.

– Фью. Угораздило же ее. Придется с ней поговорить. Но лучше б она вызвала на место происшествия астиномов.

– Она ведь думала, что Зестос еще жив... Кстати, да, тут написано: «Причина смерти: ДТП» под знаком вопроса, а дальше через черточку – «сердечный приступ», опять же под вопросом.

– Видно, медики приехали, увидели, что нет ни ран, ни повреждений, ни следов от удара машины. Может, человек шел по обочине, стало плохо – упал и умер... Да и вообще, что ты хочешь – Глифада! Они тут спят на ходу.

– Н-да? – Диана хмуро поглядела в окно. – А если я напишу на них рапорт? Может, тогда они проснутся?

– Бесполезно. Когда я работал с Даларосом, он на них жаловался после похожего случая. Но, как видишь, всё осталось по-старому. Просто любители активной жизни сюда работать не идут, тут со скуки умрешь. Какие тут происшествия? Два художника друг другу морду набьют по пьяни? Или студент обкурится травы, полезет в море купаться и начнет тонуть?

Диана фыркнула.

– А вы с Даларосом что тут расследовали? – спросила она.

– Один господин убил жену, которая не давала ему развод. Пытался замаскировать дело под несчастный случай во время купания... Шайтан! – Хош резко затормозил, нажимая на клаксон: впереди на дорогу едва не выскочили парень с девушкой, но вовремя остановились, заметив машину.

– Идиоты! – выругалась Диана. – Вот оштрафовать бы их, будут знать. Переход в ста метрах!

– Дуракам закон не писан... С тех пор как я пошел учиться на асти, всё время удивляюсь, откуда в людях столько глупости. Причем в образованных порой больше, чем в невеждах.

– Естественный отбор уже не действует, – мрачно сказала напарница, – вот и развелось болванов. В древности такие просто не выживали.

К счастью, после обнаружения тела на месте никто не топтался. Шекер с Дианой сразу же нашли его по провалу в кустах, когда вышли из машины.

– Всё-таки навигаторы – великое благо, – заметила Диана. – Однако бедняге Зестосу в некотором смысле повезло. Представь, что бы с ним стало, пролежи тело хотя бы день на такой жаре.

– Да, тогда бы точное время смерти не определить. Видно, убийцы всё хорошо спланировали. Но убили Зестоса вряд ли здесь... Посмотри-ка, как далеко отсюда он жил.

Заасфальтированную обочину шоссе отделяла от трассы желтая линия. Никаких следов шин. Хош принялся осматривать ветки кустов вокруг места, где было брошено тело убитого.

– Так... – Диана открыла на планшете карту города. – Улица Иерофея Афинского... Да таких у нас восемь штук! Надо по индексу... Отсюда далеко. Но если он священник Парфенона, то ранним утром, скорее всего, мог отправиться в храм на службу. Сегодня же воскресенье.

– То есть его подстерегли и убили по дороге? Возможно. А от Парфенона он близко жил?

– Не так уж. Район Святого Николая. Минут сорок езды при умеренном трафике. Вопрос, на чем он ездил – на своей машине или нет. Если на своей, его трудно было бы убить выстрелом в грудь. Разве что сразу на выходе из дома, но это сомнительно. Сейчас посмотрю, что там за транспорт... Прямо до Парфенона идет сто пятый автобус. Остановка... в двух кварталах от дома Зестоса.

– А метро?

– Туда еще не дотянули синюю ветку.

Хош выпрямился и задумчиво посмотрел на напарницу.

– То есть, – медленно проговорил он, – если предположить, что Зестос... Но к чему гадать? Давай-ка позвоним в Парфенон. Только не говори им сейчас, что Зестос убит.

Диана нашла в сети телефон храма Богоматери Афинской и набрала номер.

– Здравствуйте! Могу я поговорить с отцом Александром Зестосом?... В самом деле?... Может быть, он заболел?... Вот как.... А он не мог попасть в аварию?... Понятно.... Возможно, стоит обратиться в астиномию?... Да, я тогда позвоню в другой раз. Всего доброго! – Она отключила связь. – Сегодня у них служили утреню с литургией. Зестос должен был придти к семи, но не появился. Сначала они не встревожились: по воскресеньям служат все клирики, так что отсутствие одного не критично. После службы они пытались дозвониться ему на мобильный, но безуспешно. Потом позвонили Зестосу домой, но никого не застали. Недавно позвонили еще раз, разговаривали с дочерью, она днем гуляла с друзьями, а жена Зестоса на работе в больнице и придет вечером. Дочь сказала, что отец рано утром ушел на службу. Так что они там уже все обеспокоены. Если они сейчас позвонят в астиномию, то узнают печальную новость. Машины у него нет, он ездил на автобусе.

– Итак, он собирался в Парфенон на службу. Значит, в машине на этом шоссе он оказался уж точно не по своей воле.

– Утром он должен был выйти из дома часов в шесть, если не раньше.

– Он вышел из дома и спокойно направился к остановке. – Хош устремил взгляд в пространство, пытаясь представить происшедшее. – Раннее утро. Улицы пусты. Почти все спят. Даже мусорщиков наверняка еще нет.

– Мусорщики выходят обычно в семь утра.

– Но кто-нибудь из них, особо усердный или имеющий другие планы на утро, мог выйти и раньше. Надо проверить.

– Да. – Диана сделала пометку в записной книжке. – И еще собачники! Кто-нибудь мог выгуливать пса и что-то увидеть.

– Да, собачники – ценные свидетели, надо попытаться и их поискать. Итак, Зестос, скорее всего, шел по своему обычному пути.

– Который был известен и убийцам?

– Вероятно. На теле не обнаружено следов прижизненного физического насилия, значит, он сел в машину добровольно. Видимо, шел обычной дорогой, и кто-то на машине предложил подбросить до Акрополя.

– Знакомые?

– Похоже на то. Он мог даже обрадоваться случаю поболтать со знакомыми по дороге, нынче ведь все люди занятые, встречаются редко.

– Они могли быть и его сослуживцами из Парфенона.

– Тогда он тем более садится к ним, ничего не подозревая. Машина трогается.

– Они должны были убить его почти сразу, – глухо проговорила Диана. – Пока он не понял, что они едут не туда.

– Кстати, а как именно они могли ехать? Хотя бы примерно?

– Так... Ага. Если они забрали его на остановке или недалеко от нее, то потом поехали бы сюда... – Диана водила кончиком тонкого пальца по планшетной карте. – По Антисфену, а потом... Оттуда несколько вариантов пути до Глифады. Они могли... или он?

– Они. Убийц было двое.

– Почему?

– Его убили выстрелом в грудь. Удобнее всего стрелять в грудь человеку на заднем сиденье, находясь на переднем. Но если бы шофер был один, Зестос сел бы на переднее сиденье. Итак, их двое. Он садится в машину, они едут, разговаривают, и вдруг тот, что сидит справа впереди, поворачивается. У него в руках пистолет. Он стреляет. Зестос ничего не успевает предпринять. Он мертв. Но убийца еще сомневается в этом. Машина останавливается, убийца пересаживается назад и стреляет Зестосу еще раз в голову. Потом запикивает тело между сиденьями и снова пересаживается вперед. После чего они отправляются в сторону Глифады.

– Они должны быть очень хладнокровны, заранее всё спланировали.

Хош задумчиво провел указательным пальцем по губам и сказал:

– Существовал какой-то мотив. Какой-то конфликт... Но они могли сначала попытаться убедить его в чем-то. Заговорили об этом в машине. Убеждали что-то сделать или чего-то не делать.

– Может быть, они специально и встречу назначили для этого?

– Вполне вероятно. Тогда ничего удивительного, что он сел к ним в машину. Он ведь думал, что это просто разговор.

– Тогда пистолет мог быть и средством запугивания.

– Да, но не думаю, что убийца выстрелил оттого, что вспылит. Убийство было спланировано заранее, если учесть, что они обработали рану и переодели его в новую рубашку. Либо они задумали его убить в любом случае, либо – если он не поддастся на их уговоры и угрозы.

Диана размышляла несколько секунд и сказала:

– Если даже убийство было незапланированным, когда оно случилось, они быстро сообразили, как всё скрыть: достали рубашку, нашли, чем обработать рану... В машине должна быть аптечка.

– Тоже вариант. – Шекер медленно кивнул. – Надо опросить его родных, друзей, сослуживцев, тогда будет яснее, в каком направлении двигаться. Итак, убив его, преступники едут сюда. Где-то они должны были остановиться, обработать у Зестоса раны и переодеть его. Интересно, куда они дели его рубашку? Скорее всего, сунули в мусорный мешок и выкинули в первую попавшуюся помойку. Это ни у кого бы не вызвало подозрение, и если рубашка в непрозрачном мешке, ее никто никогда не найдет.

– Разве что случайно.

– На это не стоит рассчитывать. Прибыв сюда, убийцы вытаскивают тело из машины и зашвыривают в кусты, словно это жертва ДТП. Вот тут несколько сучков сломано и кое-где

маленькие обрывки ниток – видимо, от рубашки, в которую его переодели. Рубашка коричневая, незаметный цвет. Все-таки похоже, что они это хорошо спланировали.

– Чем и кому мог насолить священник? Мне кажется, он был довольно безобидным...

– Безобидные чаще всего и страдают от негодяев, – мрачно сказал Шекер. – Итак, они решили симитировать ДТП. Но в какой-то момент они здесь очень заторопились. Может быть, кто-то появился на дороге. Иначе почему они оставили ноги тела торчать из кустов? Если бы не это, Киннам ничего бы не заметила.

– Они вытаскивают тело из машины и бросают сюда, – сказала Диана, глядя на кусты, потом посмотрела на дорогу. – И тут на встречной появляется машина...

– Скорее всего, – согласился Шекер. – С этой стороны обзор так или иначе загромождало их авто. Встречный транспорт спугнул бы их быстрее.

– Они быстро садятся в машину и отъезжают. Но почему они не вернулись, чтобы спрятать ноги трупа?

– Может, запас адреналина кончился, напал страх, захотелось поскорей убраться. А может, они и не заметили эти ноги. Только бросили убитого, а тут на встрече появляется машина, у них первая реакция – поскорей уехать.

– Интересно, обратил ли внимание на убийц тот, кто их спугнул? – Диана, прищурившись, смотрела на дорогу. – Если Зестос был убит между шестью и семью, то здесь убийцы оказались бы до восьми. На пляже в это время пусто, из парка тоже вряд ли кто-то заметил их. Самый реальный свидетель – кто-нибудь на машине.

Хош еще раз огляделся вокруг и сказал:

– Чертовски удобное место для сброса трупа: ни камер на дороге, ни людей вокруг. И автопрокатчики из-за этого забора с рекламой, конечно, тоже ничего не видели.

– В такую рань там мог быть только дремлющий охранник. Теперь везде сигнализации, ходить с колотушкой вдоль забора не нужно... Бедный священник, за что же его так? – Диана покачала головой.

– Вот это нам и предстоит выяснить.

Когда они закончили осмотр места происшествия, Шекеру позвонили из Управления и сообщили, что родственники и сослуживцы убитого обратились в астиномию и теперь знают о трагедии, а тело Зестоса доставили в судебный морг. Госпожа Зесту должна прибыть для опознания.

– Думаю, родственников сегодня лучше не терзать расспросами, – сказал Хош напарнице. – Побеседуем пока с госпожой Киннам.

***

Медики из «скорой», увезшей тело Зестоса, записали телефон Афинаиды Киннам, и Шекер позвонил ей, чтобы договориться о встрече. Киннамы были дома, и теперь путь астиномов лежал на юг Нижней Глифады. Приморское шоссе здесь отдалялось от береговой линии, отрезая от остального города уютный кусочек побережья, где расположился лучший район Глифады. Тут всё говорило о богатстве и комфорте: идеальный асфальт, окруженные садами двух-трехэтажные особняки, художественно подстриженные деревья, цветы, невысокие заборы с витыми решетками.

– Я думала, дом у них побольше, – заметила Диана, глядя через забор на кремово-белую виллу Киннамов. – Но место отличное, окна прямо на море.

Хош промолчал. Напротив окон его квартиры, по другую сторону проспекта Кесаря Иоанна Комнина, торчала многоэтажка, но и ту он видел чаще всего лишь ранним утром и поздним вечером, а то и ночью. Ненормированный рабочий день следователя не располагал

к наслаждению домашним досугом. Шекер куда больше времени проводил в отделе убийств и в разъездах по городу, чем дома.

Ворота были снабжены видеозвонком. Ответил мужской голос, и Хош, представившись, поднял к лицу удостоверение. Раздался щелчок, и астиномы вошли в калитку рядом с воротами, которая автоматически затворилась за ними. Сад радовал глаз: прихотливо раскиданные клумбы, бассейн, беседки, увитые розами декоративные арки, шпалеры, камни, дорожки, покрытые ассиметричной плиткой. Смеркалось, вокруг вытянулись причудливые тени, круглые фонари на тонких гнутых ножках уже начали источать беловатое свечение, питаемые накопленной за день солнечной энергией. С чуть слышным журчаньем лилась вода из поливальных фонтанчиков. «Богато, но без лишних наворотов», – отметил Шекер.

Хозяин встретил их на пороге и, поздоровавшись, провел в просторную гостиную. Господин Киннам был одет в синие льняные брюки и простую белую футболку, но вряд ли она была куплена на базаре у подножия холма Муз. Так же как и зеленое в белый цветочек платье госпожи Киннам, ожидавшей их в гостиной. Гостей усадили в кресла, хозяева расположились на диване напротив. Красивая пара. Ректор Афинской Академии был необычайно хорош собой – высокий темноглазый брюнет с точеными чертами, крылатым размахом бровей и обаятельной улыбкой. Тонкое и одухотворенное лицо госпожи Киннам принадлежало женщине если не много пережившей, то много передумавшей. В том, как супруги сидели рядом, смотрели друг на друга и разговаривали, ощущались гармония и глубокое чувство. Хошу всегда приятно было видеть такие пары, но в то же время порой он им завидовал...

– Нам нужно задать несколько вопросов по поводу вашей сегодняшней находки, госпожа Киннам, – сказал Шекер, а Диана достала блокнот и приготовилась записывать основное.

– Да, пожалуйста, – ответила хозяйка дома. – Вы выяснили, кто его сбил?

– Его не сбили. Его убили из огнестрельного оружия.

Госпожа Киннам тихонько ахнула и подняла руку к груди, но тут же опустила. Ее муж слегка нахмурился и спросил:

– Убили и выбросили там на дороге?

– Именно, – кивнул Хош.

Диана, привстав, протянула Киннамам через кофейный столик планшет с открытой фотографией Зестоса.

– Да, – проговорила Афинаида, посмотрев, – это тот человек. Но кто он?

– Вы его не знаете? – спросил Шекер.

– Нет.

– А вы?

– Нет, – качнул головой господин Киннам, взглядевшись в фотографию. – Хотя... Нет, не припоминаю.

– Но ведь я разглядела его, когда врачи вытащили его из кустов, – нерешительно произнесла госпожа Киннам. – Думала: может он жив... А они сказали, что он уже умер. Но на нем не было крови или ран!

– Убийцы обработали их так, чтобы их не сразу заметили. Видимо, хотели выдать за несчастный случай на дороге. К сожалению, им это удалось, и теперь мы не имеем фотографий с места, где нашли тело, и в отчете медиков тоже мало что сказано. Госпожа Киннам, вы не могли бы описать как можно подробнее, что вы увидели, когда его нашли?

– Я постараюсь... А я ведь еще подумала, что странное место для дорожного происшествия! Там же ни перехода, ни прохода в кустах... Вы думаете, мне надо было вызвать астиномов?

– Ты не виновата, что так вышло. – Муж взял ее за руку. – Ты ведь думала, что он еще может быть жив.

– Да-да! Я подумала, что если его сбили, то...

– Расскажите, как вы нашли тело, – снова попросил Хош.

– Я ехала на службу в храм, думала о всяком и забеспокоилась, не забыла ли книги для знакомого священника. У него сегодня день рождения. Я решила посмотреть, взяла ли подарок, остановила машину и заглянула в сумку. Книги оказались на месте, и я уже хотела ехать, как вдруг увидела... – она сглотнула, – увидела, что из кустов торчат ноги.

– Впереди вашей машины? – уточнил Шекер.

– Да, немного впереди. Я совсем случайно посмотрела туда! Если б не взглянула, так бы и уехала... Ноги совсем не сильно торчали, только кончики туфель были видны, там ведь еще трава... Я испугалась! Но потом все-таки вышла посмотреть, а он там... лежит.

– Как он лежал?

– Почти перпендикулярно дороге, головой в ту сторону... в смысле – к забору. Голова была запрокинута, так что сначала я не увидела лица, уже потом разглядела, когда «скорая» приехала и они его вытащили.

– Вы не заметили ничего вокруг того места? Чего-то необычного или просто чего-нибудь? Госпожа Киннам покачала головой.

– Нет, ничего такого не было. Просто кусты. Я еще подумала, где же его сумка, даже заглянула в кусты... Но я правда больше ничего там не заметила! Может, что и было, конечно, но я так растерялась и испугалась... А вы уже знаете, кто это?

– Священник Александр Зестос. Служил в Парфеноне. Убит сегодня ранним утром.

– О Боже! – выдохнула госпожа Киннам. – Извините! – внезапно проговорила она и, вскочив, выбежала из гостиной. Все проводили ее глазами, и Киннам сказал:

– Афинаида беременна, так что ее иногда тошнит. А сегодня уже несколько раз тошнило из-за этой находки. Не самые лучшие впечатления в ее положении. Надеюсь, вы не станете мучить ее дурацкими расспросами вроде того, почему она остановилась заглянуть в сумку именно в том месте? Потому что если вы вздумаете ее нервировать чем-то подобным, я буду вынужден выставить вас за дверь.

Тон его бархатистого голоса как будто не изменился, ректор говорил всё так же спокойно и вежливо, но в комнате словно похолодало на несколько градусов. Диана быстро переглянулась с Шекером и сказала:

– Что вы, господин Киннам, мы ни в чем не подозреваем вашу жену! Наоборот, ее случайная находка нам очень помогла. Всё говорит о том, что убийцы не рассчитывали на такое быстрое обнаружение тела.

– Позвольте мне еще раз взглянуть на фотографию, – вдруг попросил Киннам, и Диана снова протянула ему планшет. – Знаете... пожалуй, я его вспомнил. Видел в Парфеноне, когда заходил туда.

– Вы там бывали? – спросил Хош. – Когда?

– В две тысячи восьмом – начале девятого. Иногда бывал, да. Но не как прихожанин, – Киннам слегка улыбнулся, – а как наблюдатель людей и нравов. Я тогда писал роман «Тени Парфенона», собирал материал, а иногда брал с собой ноутбук и писал в кофейне на Акрополе по вечерам. Этого священника я видел в храме, наверное, раза два или три, он служил молебны и панихиды для проходящего народа, там ведь всегда много людей. Как я понимаю, у них есть какое-то определенное время для таких служб, их исполняют дежурные священники.

– И каким Зестос вам показался?

– Он хорошо служил, не торопясь и очень напевно. Должно быть, людям нравилось. – Киннам задумался на несколько секунд, припоминая. – Однажды я наблюдал, как он разговаривал с женщиной после молебна, она подошла что-то спросить. Мне кажется, он был добрым человеком, старался помочь людям... Это всё, что я могу сказать.

Вернулась Афинаида.

– Простите, – сказала она, вновь усаживаясь, – мне стало нехорошо.

– Как и сегодня утром, когда вы нашли тело убитого? – спросила Диана.

– Да, меня вытошнило там, – призналась госпожа Киннам, – а как вы... Ой, вы видели эти следы! – Она смутилась.

– Ничего странного, все-таки вы не гриб в лесу нашли, – успокоил ее Шекер. – Еще один вопрос: когда вы ждали там у тела «скорую», вы не заметили, были ли на пляже купающиеся?

– Прямо возле того места никого не было. Я нарочно огляделась – думала, может, кого позвать на помощь, но... Там же пляж такой, дикий... Может, кто и купался подальше, но за деревьями было не видно.

– Что ж, мы благодарны за сведения и больше не будем вас задерживать.

Хозяин дома проводил астиномов до дверей и сказал:

– От нас с Афинаидой в этом деле толку мало. Но я могу дать вам телефон нашей знакомой, которая должна знать Зестоса. Она прихожанка Парфенона, а в последнее время даже работает там.

– Как ее зовут? – Диана снова достала блокнот.

– Таис Куста.

На улице почти стемнело, но сад освещался хорошо: помимо фонарей вдоль дорожек, кое-где были протянуты гирлянды разноцветных светильников. Сладко пахло цветами. Теплая ночь обещала быть великолепной.

– У Киннамов определенно есть вкус и нет глупых претензий, – сказала Диана по пути к воротам. – Всё просто, но красиво. Хотя мебель дизайнерская, конечно.

– А ты чего ожидала, дворца в позднепалеологовском стиле, заставленного антиквариатом? – Шекер усмехнулся. – В наше время это уже дурновкусие.

– Не все так считают... Зато у Киннамов своя ложа в Мегарон-Холле, постоянный абонемент в киноклуб «Олимп», в бильярдную на Сигме, в Глифадский яхт-клуб и еще много куда, развлекаются и отдыхают они что надо.

– Ты что, следишь за их жизнью? – изумился Хош.

– Нет, просто иногда почитываю светскую хронику. А в прошлом году о них только безрукий не писал. Киннам шесть лет был самым завидным холостяком Империи, с тех пор как стал ректором Академии.

– В самом деле?

– Шекер, ты правда ничего о них не знаешь?

– Мне некогда следить за светскими сплетнями. Хотя, постой, я что-то припоминаю... Это ведь они нашли какую-то древнюю рукопись, якобы пятое Евангелие?

– Да! Папий Иерапольский, невероятная находка. Из-за этого тоже было много шума.

– Да, мои предки жарко обсуждали этого Папия. Я приехал к ним на Байрам, а у них споры – огонь!

– А им-то что до того? Они же мусульмане?

– Ну, как, досточтимый пророк Иса, новые сведения, то да се... Мать, конечно, больше отца подначивала, чем переживала, но он с приятелями долго эту тему мусолил. Даже меня пытался спрашивать, что я об этом думаю, но я, как водится, его разочаровал, сказав, что ничего не думаю. – Шекер усмехнулся. – Одни мифы, другие мифы, велика разница!

– Ты охальник! – Диана засмеялась. – А представляешь, сколько у христиан было толков об этом! Но о Киннамах судачили не только из-за Папия. Ректор женился на девушке, так сказать, с улицы, без роду и племени, своей бывшей аспирантке.

– Банально.

– Едва ли – для аристократа с родословной, уходящей черт знает в какую глубь веков.

– Да ладно, Ди, у нас нынче даже принцессы обручаются черт знает с кем.

– Тебе не нравится выбор ее высочества? – Диана насмешливо прищурилась.

– Какой-то итальянец! – Хош фыркнул. – Ничего не имею против итальянцев, но мне всегда казалось, что времена политических браков отошли в прошлое. А здесь явно была какая-то придворная интрига. Возможно, правы те, кто говорил, что принцесса стала частью выкупа за константинопольские сокровища. Или, по крайней мере, каким-то бонусом в стоворе Кантакузина и Врачки насчет сокровищ и нефтепровода через Эги. Только московская революция им явно спутала карты. Едва ли этот нефтепровод в будущем принесет большой доход.

– Ну, по крайней мере, за три года принцесса не передумала, значит, жених пришелся ей по нраву. Уже, вон, о свадьбе объявлено.

– Да? И когда же? Я всё пропустил, как водится.

– На последних Золотых бегах объявили. На Рождество поженятся.

– Понятно. Ну вот, я и говорю: Кантакузины роднятся невесть с кем, а Киннаму что мешает жениться на аспирантке? Красивая, ученая...

– И бывшая жертва секты Лежнева.

– Шутишь?!

– Нет! Афинаида тогда еще Стефанити проходила по делу Лежнева как свидетельница. Сначала ее даже заподозрили в соучастии, хурриты именно ее оставили в тоннеле с бомбой, когда убегали.

– Вот оно что. Тогда у нее должны остаться не самые приятные впечатления от общения с астиномами. Скандальная была история. Недаром муж так жестко ограждает ее от лишних расспросов.

– Идеальный муж!

– Завидуешь?

– Хм... Не совсем то слово. Для смертных глупо завидовать небожителям.

– Они не небожители, Ди. И если с ними случится то же, что с Зестосом, их точно так же отвезут в морг на вскрытие, а мы будем расследовать их дело. Но лучше пусть живут долго и счастливо. Тем более что у них для этого есть все условия.

***

Вскрытие, результаты которого стали известны поздним вечером, не принесло почти ничего нового. Священника убили примерно в шесть утра, он умер мгновенно, тело недолгое время лежало между задними и передними сиденьями автомобиля. Обнаруженные на теле частицы обшивки отправили на экспертизу с целью установить марку машины.

– В желудке у убитого ничего не было со вчерашнего вечера, – сообщил Шекер напарнице по телефону, просматривая присланный по электронной почте отчет патологоанатома.

– Естественно, ведь он шел в храм на литургию, – заметила Диана. – Православные перед причастием не едят с полуночи.

– Вот как?

– Таковы их правила.

Диана на удивление много знала о православии, хотя не посещала церковь, не соблюдала никаких христианских обрядов и правил, да и крестик не носила. Однажды Шекер спросил, откуда у нее столько познаний о христианстве. Ответ был односложен: «Читала». Напарница не была распахнутой душой и очень скупно делилась сведениями о себе. Шекер не настаивал: каждый имеет право на личные тайны.

– Давай я завтра утром съезжу поговорить с вдовой Зестоса? – предложила Диана.

– Езжай. А я отправлюсь в Парфенон.

Хош допоздна изучал досье клира и работников Парфенона, то и дело мысленно ругаясь. На данный момент почти все эти лица могли быть подозреваемыми, и их оказалось слишком много: помимо самого митрополита Афинского, восемь священников, три дьякона, трое чте-

цов, четверо алтарников, да еще хор и несколько уборщиц и свечниц, и это не считая работников в митрополичьем доме! Кроме того, все они были практикующими христианами – один из нелюбимых Хошем людских типов. Хотя религия запрещала этим людям лгать и именовала «отцом лжи» прямоком дьявола, жизнь показывала, что при случае они не только лгали и изворачивались ничуть не меньше других, но зачастую делали это с куда большей легкостью, оправдывая свои действия «церковной пользой» и необходимостью «покрывать грехи ближнего». Такая ложь считалась у них даже добродетелью, вкупе со «смирением», «неосуждением» и прочей дребеденью, которая только мешала расследованию. На самом же деле верующие обычно юлили вовсе не из стремления к неосуждению, а из банального страха и нежелания иметь дела с астиномией, но стремились прикрыть это – прежде всего в собственных глазах – благовидным предлогом. А когда их обличали во лжи, не особенно и смущались, некоторые даже пытались поучать астиномов христианскому благочестию. Хош уже наизусть знал историю о преподобном Макарии, укрывшем блудницу, которая спряталась под бочкой в келье грешившего монаха, и ненавидел сочинителя этой байки всей душой. Будь его воля, он бы с удовольствием засадил за решетку этого сказочника за пособничество всем тем, кто оправдывал подобными соображениями всякие темные дела и укрывательство оных. Пусть даже Макарий действительно совершил приписываемый ему «благочестивый поступок»... Хотя непонятно, каким образом эта история могла стать известной: сначала скрыл грех ближнего, а потом-таки разгласил его что ли, «в назидание потомкам»? Ладно, очень мило: прикрыл слабость ближнего в надежде на его исправление... Но разве это повод для покрытия чужих преступлений?!

И вот теперь это убийство священника – такое пятно на чести церковного мундира... Или нет, в церкви у них... как там – облачения? Наверняка лжи, изворотов и просто умолчаний будет еще больше, чем обычно... Шайтан!

Может ли убийца быть из числа клира? Церковников, пожалуй, возмутит такое предположение. Впрочем, алтарники – молоденькие мальчики семнадцати-восемнадцати лет; их, видимо, можно из подозреваемых исключить. Так же, как всех женщин, хотя... Кто знает, на что способны женщины Парфенона? Женщины как таковые способны на многое, уж это Хош знал хорошо. Да и убийц, регулярно посещавших богослужения, он тоже видал... Надо встретиться с митрополитом – интересно, что он скажет в связи с убийством?

Досье клириков показали Шекеру созданными под копирку: Духовная академия или семинария, женитьба, служба на приходе, двое-трое детей... У иеромонахов еще скучнее: ни жен, ни детей, у Феофила Анфа даже высшего образования нет: после школы сразу поступил в афинский монастырь святого Дионисия Ареопагита, где и доньше числится, в Парфеноне служит последние восемь лет... А вот Георгий Мелас, что интересно, после пострига попрыгал по монастырям, а теперь живет в съемной квартире. Между прочим, закончил Политехнический институт – и чего понесло в монахи?.. Стахий Савацис – вообще ни рыба, ни мясо: его досье гласило, что он неженат, бездетен, но не монах, после окончания Духовной академии уже одиннадцать лет служит в Парфеноне целибатным священником. Но целибат для имперских попов явление вроде бы нетипичное?.. Надо спросить у Дианы.

Очень, очень не хотелось общаться с этой публикой, но, как бы Хош внутренне не противился, с попами придется говорить сначала, по крайней мере, с некоторыми из них, а уж потом – со знакомой Киннамов и другими прихрамовыми работниками. Он открыл на экране компьютера досье Кусты.

ТАИС КУСТА. *Дата рождения:* 18.01.1982 (31 год). *Родители:* Александр Кустас (р. 1945) и Ирина Куста (р. 1949). *Братья:* Василий Кустас (р. 1970 г.) и Кирилл Кустас (р. 1973 г.). *Сестра:* Ангелина Куста (р. 1976 г.). *Образование:* Афинская Академия, философский факультет, доктор наук, специальность «философская антропология».

Что за специальность такая? Очередной путь византийского архивариуса от науки?

Семейное положение: не замужем, детей нет.

Современная эмансипе? Старая дева? Или книжный червь – ничего кроме науки, не интересуется?

Шекер хмыкнул. Считать философию наукой, по его мнению, можно было лишь с натяжкой: какая практическая ценность в этих бесконечных рассуждениях?

Место работы: Афинская Академия, преподаватель философии на кафедре философской антропологии (01.09.2006—14.02.2012); приход храма Богородицы Афинской (Парфенон), секретарь-референт (20.03.2012 – настоящее время). **Место жительства (постоянное):** Афины, 78132, Академический проспект, д. 4, кв. 45.

Что понесло ее из Академии, с работы по специальности и наверняка с хорошей зарплатой, в церковь? Положим, Парфенонский приход богат, но зарплаты там уж точно не такие, как в Академии. Религиозные искания, неудачи в личной жизни? Тридцать лет – рановато для кризиса среднего возраста...

Как бы то ни было, с Кустой надо поговорить. Поехали дальше.

ДИМИТРИЙ ЛОГОФЕТИС. Дата рождения: 8.07.1983 (30 лет). **Родители:** Исидор Логофетис (1960—1994) и Клавдия Логофети (р. 1962). **Сестра:** Серафима Логофети (р. 1987). **Семейное положение:** холост, детей нет. **Образование:** Анкирская богословская школа (2000—2005), специальность «общее и каноническое право». **Место работы:** Приход храма Богородицы Афинской (Парфенон), казначей (01.12.2010 – настоящее время). **Место жительства (временное):** Афины, 78778, улица Дионисия Ареопагита, д. 43, кв. 3.

Вот этот тип, пожалуй, подозрителен. Непонятно, где болтался шесть лет до Парфенона. Впрочем, возможно, ничего серьезного – мелкий церковный бизнес, а до Парфенона сидел на шее у матери... Хотя съемная квартира в самом центре Афин, пожалуй, говорит о чем-то большем, чем мелкий бизнес. Ладно, в любом случае придется всех допрашивать.

И при мысли об этой прорве народа у Хоша заболела голова.

Свидетели жизни

Шекер собирался отправиться в Парфенон с утра пораньше, но Диана просветила его, что в таком случае он попадет на службу, во время которой церковные работники едва ли будут с ним разговаривать. Поэтому Хош выпался, неторопливо позавтракал и вышел в уличное пекло. Машина, впрочем, стояла на подземной парковке и была восхитительно прохладной. Включив кондиционер, комит нажал на кнопку радиоприемника: как раз начался выпуск афинских новостей. Шекер очень надеялся, что об убийстве Зестоса еще не стало известно прессе, иначе он рискует столкнуться на Акрополе с корреспондентами. На сей раз Аллах был милостив: из происшествий сообщили лишь о ДТП на въезде в Пирей, создавшем километровую пробку.

Ненадолго заскочив в Управление, Хош добрался до Парфенона как раз к концу литургии. Причастников в будний день было немного. Крестообразно сложив на груди руки, они чинно подходили к пожилому священнику, стоявшему на амвоне с чашей. Дьякон держал алый плат и вытирал губы причастившихся. Хор замечательно высокими чистыми голосами выпевал: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите». Шекер с любопытством огляделся.

Парфенон считался одним из чудес света – самый древний из ныне существующих действующих храмов. Его внешний античный облик был полностью – если не считать креста, оставленного над западным фасадом – восстановлен в результате реставрации в восемнадцатом веке, внутри же храм смотрелся вполне по-христиански: мозаики на золотом фоне, иконы, свечи. Алтарь, несмотря на традиционный низкий темплон с иконами, выглядел не совсем повизантийски, поскольку при той же реставрации был переделан по образцу алтарей с обходом в готических соборах Европы, но окружавшие алтарное пространство тонкие колонны и барельефы со сценами из жизни Богородицы хорошо вписывались в интерьер. В минувшем веке реставраторы предложили еще одно новшество: в тысяча девятьсот семидесятом году из Парфенона убрали паникадила, и теперь храмовое пространство мягко озаряли квадратные светильники, вписанные в архитектуру потолка базилики.

Последний раз Хош тут был еще в школе, когда их класс водили сюда на экскурсию, но в то время Шекера больше интересовала Айлин – темноглазая красавица, отличница и «снежная королева». Почти все мальчики в классе пытались приударить за ней, на ученическом балу ее приглашал даже общешкольный красавчик Дионисий Евгеник – предмет воздыхания десятков девчонок, потомок знаменитого Иоанна Евгеника, писателя и борца с унией, брата патриарха Марка. Айлин с Дионисием потанцевала, но гулять отказалась, после чего за ней окончательно укрепилась репутация неприступной богини. Шекер, от безнадежности, ухаживать за ней и не пытался, наоборот, при случае подкалывал и язвил, а однажды даже довел девочку насмешками до слез – по крайней мере, ее темные глаза подозрительно заблестели, – и случилось это как раз на той экскурсии. Самого храма Хош почти не запомнил.

Окончив школу, Айлин поступила в Академию на юридический факультет, а Шекер пошел учиться на астинома. Спустя семь лет, во время расследования убийства сотрудника аудиторской фирмы и кражи документов, Хош опрашивал потерпевших, и секретаршей фирмы оказалась его бывшая одноклассница, школьная подруга Айлин. После опроса по делу Шекер поинтересовался, что слышно о судьбе одноклассников; сам он после окончания школы ни с кем из них не общался, и даже случайно пересечься не пришлось. Глафира рассказала о ком знала, упомянула и об Айлин: та по окончании Академии выиграла грант и уехала писать диссертацию в Хаддис-Багдадский Университет, да так и осталась в Амирии, выйдя замуж за арабского бизнесмена на десять лет ее старше.

– А знаешь, Шекер, ты дурак, – сказала Глафира. – Она ведь была влюблена в тебя. Еще с восьмого класса. Она даже с Евгеником гулять не стала, всё надеялась, что ты когда-нибудь станешь вести себя по-человечески... А ты очень обидел ее тогда, на экскурсии по Акрополю. Я ей говорила, что на самом деле она, скорее всего, тебе нравится, просто ты выразить это не умеешь, но после той истории она заявила, что ты гад и больше она слышать ничего о тебе не желает. Мы даже немного поссорились тогда. Вот признайся, она тебе нравилась?

Шекер онемел. В душе сцепились несколько желаний: сказать правду, солгать «вот еще» или хоть хмыкнуть... Но не получилось выдать ни звука. Он даже головой шевельнуть не смог. Глафира усмехнулась, глядя на него: должно быть, выглядел он в этот момент как полный болван.

– Так я и думала, – вздохнула она. – Вы, мужчины, такие идиоты... Вечно за вас надо всё проговаривать самим!

Сейчас, стоя под сводами Парфенона, Хош снова вспомнил всю эту историю, но не почувствовал ничего – ни досады на судьбу, ни злости на себя, ни тупой боли, как раньше. «Видно, это Ди на меня так терапевтически подействовала», – подумал он и, внутренне встряхнувшись, переключил внимание на то, ради чего пришел сюда.

Литургия, наконец, закончилась. Священник, дородный мужчина с густой кудрявой шевелюрой и внушительной бородой, вышел говорить проповедь. Вызвав в памяти сведения и фотографии из просмотренных накануне досье, Шекер понял, что это протоиерей Кирилл Макрис, старший клирик Парфенона, исполняющий обязанности настоятеля; официальным настоятелем храма был митрополит. В Парфеноне служили шесть белых священников, два иеромонаха и три дьякона. Среди иереев Макрис и покойный Зестос имели право принимать исповедь. Службы в храме бывали ежедневно утром и вечером, как гласило расписание богослужений, которое Шекер изучил при входе.

– Вчера мы праздновали Новолетие, – сказал отец Кирилл, – и просили Бога благословить новый год своею благодатью. У нас известные понятия о благодати: конечно, мы думаем о духовных вещах и время от времени размышляем, как нам исправить свою жизнь, но куда больше нам хочется, чтобы всё было благополучно в житейском смысле, чтобы никто не болел, чтобы у нас был материальный достаток и личное счастье. Если мы достаточно благочестивы, мы просим еще и о помощи в духовном совершенствовании, но при этом надеемся достичь его, прямо скажем, лежа на боку. Мы, разумеется, иногда встаем и идем на службу, постимся в положенное время и ежедневно молимся, но редко думаем о том, что духовное совершенство без труда и скорбей не достигается, ибо «узкие врата, ведущие в жизнь». Но Господь напоминает нам об этом, и порой напоминает очень жестко, ведь мы, по душевной лености и черствости, редко способны понимать иной язык, воспринимая как должное всё то хорошее, что с нами происходит. И вот, вчера, на самое Новолетие, Господь посетил нас великой скорбью и испытанием: утром, по дороге в храм на службу, неизвестными преступниками был убит наш отец Александр.

После мгновения ошеломленной тишины, по храму прокатился вздох, кто-то вскрикнул, заплакала женщина. Потом поднялся гул: «Да как же это?.. Кто?.. Почему?.. Не может быть!..» Шекер оглядывал присутствовавших: казалось, все были ошарашены, искренне расстроены, а то и напуганы. Священник выждал несколько секунд и продолжал:

– Следствие только начинается, ничего еще неизвестно, и мы даже не знаем, когда астиномия выдаст тело для захоронения. Поэтому прошу вас пока что молиться об упокоении души отца Александра. Сейчас, после службы, я совершу по нему панихиду, желающие могут остаться и помолиться. Отец Александр все силы отдавал церковному служению, в личной жизни был очень скромным, как известно тем, кто знал его сколько-нибудь близко. Жил он небогато, у него остались вдова и дочь, и я призываю помочь им в эти трудные дни не только молитвенно, но и материально: желающие могут пожертвовать деньги на похороны, помино-

вание и цветы в ящичек у свечной лавки. Мы все потрясены этим ужасным происшествием! Лично я даже представить не могу, кому и зачем понадобилось убивать отца Александра. Но если кто-нибудь из вас вспомнит что-нибудь, что может помочь следствию, прошу немедленно сообщить об этом в астиномию.

«Умный поп! – одобрительно подумал Шекер. – Может быть, кто-то из прихожан в самом деле что-нибудь сообщит». Хотя надежды мало: на след преступника часто наводят такие мелочи, какие обычному человеку, если он их и заметил, в голову не придет связать с преступлением. К тому же сегодня понедельник, весь народ приходил вчера, когда никто еще ничего не знал...

Отец Кирилл еще немного порассуждал о терпении скорбей и неведомых судьбах Божиих и завершил проповедь так:

– Однако мы, братья и сестры, можем утешаться мыслью, что отец Александр, прожив жизнь праведную и послужив Богу и Его церкви, теперь отошел ко Господу в места светлые и покойные. Сегодня он должен был служить вместе со мной божественную литургию, готовился к принятию святых таин, к встрече с Богом, но Господь призвал его на встречу с собой не у престола храма, а у своего небесного престола. И мы можем надеяться, что отец Александр предстал пред Богом готовым к этой встрече, хотя она оказалась неожиданной. Но мы должны помнить, что и для каждого из нас эта встреча может тоже оказаться внезапной и что мы должны жить так, чтобы в любой момент быть готовыми к ней. Да даст же Господь и нам, когда придет наш час предстать пред Ним, оказаться готовыми, молитвами Пресвятой Богородицы и всех святых! Аминь.

После службы почти все остались на панихиду, которую Макрис отслужил перед большим распятием у северной стены. Поглядев на клубы кадильного дыма, которым священник щедро окуривал распятие и молящихся, Шекер задался вопросом, как этот ритуал влияет на состояние храмовых мозаик и фресок. Искусствоведы и реставраторы периодически поднимали тему воздействия богослужебных ритуалов на сохранность церковных памятников. В прошлом веке православных обязали, под угрозой нешуточных штрафов, снабдить вытяжками все храмы, являющиеся памятниками архитектуры, в результате чего число подсвечников значительно уменьшилось, хотя они при этом выросли в размерах. Теперь поговаривали о полном переходе храмов на электрические свечи, по примеру старинных соборов в Европе. В Парфеноне один такой подсвечник был – возле чтимой иконы Богородицы Афинской справа от алтаря: верующий мог опустить монетку в щель, нажать на кнопку, и на подставке загоралась электрическая свеча – желтая, красная или синяя, светившая около получаса. Разноцветные лампадки, висевшие перед большими иконами, тоже были электрическими, но по виду почти не отличались от настоящих, благодаря легкому мерцанию матовых лампочек.

«Скоро, поди, и кадила станут бездымными, – подумал Шекер, – что-то вроде распылителей духов с соответствующим запахом... Интересно, зачем православные внесли столько всякого материального в свое служение Богу? Как будто Он не примет молитв, если они кадилом не помашут или свечу перед иконой не зажгут... Странная вера!»

Он прошелся по храму, любясь архитектурой и мозаиками и размышляя о том, что для народа фигуративные изображения, вероятно, привлекательней мусульманских геометрических абстракций и цветочных узоров, но не слишком ли это разнообразие расплывает внимание? Какую роль вся эта пестрота может играть при молитве? В исламе, по крайней мере, концентрация при молитве очень важна; интересно, как с этим у христиан? Тут ведь, как начнешь рассматривать эти мозаики и иконы, так, пожалуй, и служба пройдет... Но красиво, да, пир для эстета и туриста.

Панихида закончилась сравнительно быстро, и Хош, дождавшись, пока желающие возьмут у отца Кирилла благословения и разойдутся, подошел к нему, вынув свое удостоверение.

– Здравствуйте! Комит Шекер Хош, отдел убийств афинской астиномии. Я веду дело об убийстве отца Александра Зестоса. Могу я поговорить с вами?

– Да, конечно, – с готовностью ответил священник. – Но вам придется подождать немного, я должен снять облачение.

– Я подожду. Я бы хотел также задать несколько вопросов вашим сослужителям. Попросите их, пожалуйста, не уходить пока из храма.

– Да-да, я скажу им, – закивал отец Кирилл.

В нем чувствовались искреннее горе и растерянность, и Хош подумал, что Макрис едва ли войдет в число подозреваемых. Однако он мог сообщить что-то важное об убитом и его окружении. Шекер приготовился спрашивать, слушать и наблюдать.

***

Допрос двух священников с дьяконом не дал ничего существенного. Дьякон Савва только вчера после обеда вернулся из Диррахия – был в отпуске, гостил у родителей. Отцы Кирилл и Феофил в воскресенье утром были дома, встал в шесть, помолились и отправился в храм на службу. Так же, видимо, поступили и прочие клирики: все они присутствовали на утрени и литургии в Парфеноне. Помимо отцов Александра и Саввы, отсутствовали двое. Отец Михаил с вечера субботы находился в Пирее, в приюте для бездомных, который существовал под эгидой Парфенона, – исповедовал желающих, заночевал при тамошней домово́й церкви, а в воскресенье порану отслужил литургию; в храме на Акрополе он вообще появлялся только по великим праздникам. Отец Георгий, как выяснилось после службы, приболел.

– Кто-нибудь из служителей храма опоздал вчера на утреню? – спросил Шекер. Отец Кирилл помолчал, припоминая, и ответил:

– Отец Стахий немного опоздал, может, минут на пятнадцать.

– Почему?

– Не знаю...

– А я знаю! – вмешался алтарник. – Я слышал, как он отцу Антонию сказал: «Колесо спустило».

– Ясно. – Хош кивнул, подумав, что отец Стахий, если он появился в Парфеноне в семь пятнадцать, никак не мог выкинуть на Приморском шоссе тело Зестоса, убитого в шесть утра в районе Святого Николая или где-то рядом. Даже при абсолютно пустых дорогах так быстро этот путь на машине не проделать.

– А еще Димитрий опоздал, – сказал алтарник. – Он вообще только к концу утрени пришел.

– Вы имеете в виду Димитрия Логофетиса? – уточнил Шекер.

– Ага.

– И в какое точно время он пришел?

– Не помню, – ответил мальчик. – Но точно перед «Честнейшей».

– Это что такое?

– А, это песнопение Богородице, после восьмой песни канона поется. – Алтарник заулыбался. – Вы не знаете, да?

– Нет, я не христианин, – сухо сообщил Шекер, – поэтому мне бы лучше знать часы и минуты, когда кто приходил.

– «Честнейшую» на таких утренях, как вчера, поют около десяти, – пояснил отец Кирилл.

– Димитрий часто опаздывает. – Дьякон Савва усмехнулся. – Я уж и не помню, когда он в последний раз на утреню к началу приходил. Скучно ему, должно быть, кафизмы слушать. Правда, обычно он к полиелею приходит, вчера он и правда припозднился.

– А вот отец Александр никогда не опаздывал, ни на секунду! – сказал иеромонах Феофил. – Я поэтому очень удивился, когда он не пришел на службу. Он всегда о таком предупреждал, а если служил, то приходил заранее, чтобы не спеша облачиться, подготовиться. Очень не любил, когда другие опаздывали, хотя недовольства старался не выражать. Бывает, скажет: «Опаздываешь, отче», – вроде и не с укором, а просто факт отмечает, но тебе сразу так стыдно становится! Когда мы с ним были в чреде, все старались приходиться вовремя. А тут его нет и нет... Но владыка сказал, что, может, он заболел внезапно, так мы и начали без отца Александра, а после службы стали звонить ему домой...

– Да, это я уже знаю, – прервал его Хош. – Скажите, были ли у отца Александра конфликты с кем-либо из служителей Парфенона? Какие вообще у него были отношения с вашим коллективом – клириками, работниками храма?

– Очень хорошие! – без колебаний ответил иеромонах. – Отец Александр был очень простым в общении, ни с кем не говорил свысока, ни перед кем не заискивал, был прямым человеком, очень честным, но в то же время смиренным, старался избегать ссор. В общем, я бы назвал его настоящим христианином и священником, каким каждый из нас и должен быть. – Отец Феофил пригорюнился. – Не представляю, кто и за что мог его убить! Именно его, такая несправедливость... Он был лучшим из нас!

– И все остальные здесь тоже так считают? Ведь люди не всегда готовы спокойно принять чье-то моральное превосходство.

– Но это не было превосходством! – возразил отец Кирилл. – По крайней мере, отец Александр никому не давал почувствовать, что у него есть это превосходство. Он в самом деле был очень простым в общении.

– Я бы даже сказал, – добавил отец Савва, – что разглядеть в нем глубокую... глубокий духовный пласт можно было не сразу.

– Вот как? То есть на первый взгляд он не выглядел человеком духовным? – полюбопытствовал Шекер. Отец Феофил усмехнулся.

– Смотря что считать духовностью, – сказал он. – Многие принимают за нее умение красноречиво и надуть щеки: с глубокомысленным видом изрекать благочестивые банальности, святых отцов цитировать, проповеди длинные и красивые говорить, книги писать о православии... Ничего такого отец Александр не делал. Но у него был настоящий духовный опыт, приобретенный личной жизнью, и говорил он из своего опыта, это чувствовалось. За других говорить не буду, но о себе скажу, что лично мне отец Александр несколько раз очень помог и советами, и молитвами. Я, как видите, монах, но считаю, что он, хоть и был человеком семейным и, что называется, мирским, был гораздо выше меня по жизни. Он был очень мудрым, очень добрым человеком... Надеюсь, вы поймаете того негодяя, который такое сотворил, а если нет, пусть его покарает Бог, и как можно скорее!

– Надеюсь, суд покарает его раньше, чем Бог, – ответил Шекер. Работа в астиномии научила его, что на божественное правосудие уповать не стоит. По крайней мере, в земной жизни.

Хош захотел осмотреть вещи убитого, и отец Кирилл провел его в ризницу храма, где у всех священников хранилось по несколько комплектов облачений разных цветов. Здесь же обнаружили служебник и помяник отца Александра, комит полистал их, но ничего интересного не нашел – ни записок, ни пометок, помимо богослужебных. Однако помяник он на всякий случай забрал: всё же это был список имен, пусть и без фамилий, и Шекер решил приглядеться к ним на досуге.

– У отца Александра была сумка? – спросил он.

– Да, – кивнул Макрис, – такая черная, матерчатая, он всегда с ней приходил. Но здесь он ее никогда не оставлял, всегда забирал домой.

Отец Кирилл дал Шекеру адреса и телефоны всех служителей и работников Парфенона. Хош также опросил чтеца, но этот юноша работал в храме всего два месяца и о внутривраховых отношениях сказать ничего не мог.

Пока комит разговаривал с клириками, служившими литургию, пришел на дежурство отец Антоний Контофор. В храме ежедневно между утренней и вечерней службами по очереди дежурили священники, по воскресеньям и праздникам двое, в остальные дни один: они беседовали с приходящими в храм людьми, служили молебны и панихиды. Контофор, как и другие опрошенные, уверял Шекера, что Зестос был человеком прямым, но неконфликтным: он мог указать человеку, что тот ошибается или поступает нехорошо, но не навязывал свою точку зрения. Митрополиту не наушничал, доносов не строчил. На собрании клира, которое митрополит проводил раз в месяц, отец Александр порой высказывал предложения и замечания об организации церковной жизни, но никогда при этом не переходил на личности и не жаловался на сослужителей. В конечном счете он, как и все, покорялся тому решению, которое принимал митрополит, даже если оно не во всем нравилось: ничего не поделаешь – иерархия! Впрочем, в такой устойчивой и консервативной среде как церковь, конфликты по принципиальным и идеологическим вопросам редки, а административные решения обычно не стоят того, чтобы из-за них портить отношения с начальством.

В итоге Хош вынес впечатление, что убитый священник был, как говорится, служакой: исправно выполнял свою работу, богослужение любил, к коллегам относился по-доброму, к прихожанам тоже. В его обязанности входило отправление утренних и вечерних богослужений по чреде и дневные дежурства в другие дни. Кроме того, Макрис и Зестос по субботам в течение дня принимали исповедь. По воскресеньям и большим праздникам на утреннюю службу обычно собирался весь клир, а возглавлял богослужение митрополит Дионисий. Каждый клирик имел два выходных дня в неделю. В причте Парфенона были также чтецы и иподиаконы, но последние появлялись только на митрополичьих службах и с остальными клириками общались мало. Хоров было два: парадный для воскресений и праздников, и обычный для остальных дней; некоторые певчие входили в состав обоих.

Хош решил, что с остальными клириками поговорит позже. Пришла пора пообщаться с владыкой Дионисием.

***

Убитый священник жил, очевидно, небогато: район Святого Николая находился, правда, не на самом отшибе, но это был север Афин, далеко от моря и не очень близко от культурного центра, основная архитектура – обычные пяти-семиэтажки с бюджетными квартирами; кое-где небольшими группами высились десяти-двенадцатиэтажные дома. Впрочем, район не был унылым: автостоянки большей частью убраны под землю, повсюду зелень, детские и спортивные площадки, велодорожки, кофейни, магазины с яркими витринами. Диана оставила машину на наземной парковке у центральной магистрали квартала – проспекта Николая Мирликийского – и пешком отправилась на улицу Иерофея Афинского. Утром понедельника здесь было пустынно и тихо, только пара велосипедистов да тощий мужчина с пуделем на поводке и несколько пестрых кошек оживляли пейзаж. Зато на некоторых балконах завтракали или курили люди. Диана ощутила на себе любопытные взгляды и, ускорив шаг, свернула под арку дома номер девять.

Она оказалась в симпатичном дворе, куда выходили парадные четырех окружавших его по периметру домов. Кусты рододендронов и самшита, клумбы с розами и декоративными травами, мощеные дорожки, деревянные скамейки под навесами от солнца, велопарковка. За столиком у шпалеры в тени глицинии двое парней играли в нарды. Рядом с доской стояли два

стакана и стеклянный кувшин с домашним лимонадом. Один из парней присвистнул, когда она проходила мимо, и спросил:

- Вы к нам с конкурса красоты?
- Из астиномии, – ответила Диана, не сбавляя шаг.
- Ого! У вас там все женщины такие?
- Приходите работать – узнаете.

Она направилась ко второй парадной дома одиннадцать и набрала номер двадцать четыре.

- Кто там? – спросил женский голос.
- Астиномия, отдел убийств. Могу я поговорить с госпожой Зесту?

Раздался писк, лампочка замигала зеленым, Диана вошла и огляделась. Справа на стене висели рядом почтовые ящики, слева стоял привязанный к трубе велосипед. Голубая краска на стенах кое-где облупилась, на дверях лифта красовалось граффити с вампиром, впрочем, не страшным. Диана поднялась на один пролет лестницы и поглядела вверх: светло, просматривается. Вряд ли тут кто-то мог бы спрятаться, чтобы подкараулить убитого. Да и стрелять здесь никто бы не стал даже с глушителем. Она вернулась вниз и села в лифт. Старой модели, внутри он был разрисован совами, кошками и странными кривыми рожами, а под потолком красовался единорог с подписью: «Дева, отзовись!» Диана хмыкнула и, поглядев в небольшое зеркало на стене – надпись по его низу гласила, что его повесил здесь на благо жильцов интернет-провайдер «Аркис», – слегка пригладила волосы.

Зестосы жили на последнем этаже. Поздоровавшись и предъявив удостоверение, Диана вошла в маленькую прихожую. Валентина Зесту оказалась невысокой полноватой женщиной с круглым лицом и крашеными светло-каштановыми волосами. Для пятидесяти двух лет она выглядела неплохо – впрочем, как и большинство медработников в ее возрасте. Слезы вдова выплакала, видимо, еще вчера, и теперь сухие карие глаза, обведенные темными кругами, смотрели на Диану обреченно: впереди допросы, похороны и жизнь, которая уже никогда не станет прежней. О встрече условились накануне – Диана позвонила Зестосам и узнала, что утром они пойдут на службу в местный храм, а потом до обеда будут дома. Очевидно, мать с дочерью недавно вернулись и только что позавтракали: в воздухе витал слабый запах кофе.

Комната, куда они прошли, была большой, но казалась тесной из-за обилия мебели: шкафы, стеллажи с книгами, диван, который, судя по тумбочкам с боков, раздвигался и служил супругам постелью, круглый стол посередине, угол с иконами и аналоем, даже пианино. Однако на нем давно не играли: всё оно было заставлено какими-то коробочками, иконами и подсвечниками с восковыми огарками, на закрытой клавиатуре лежали небольшой ноутбук и книги, стояла плетеная ваза с яблоками. С лежанки слева от двери вскочил черный красавец-доberman, обнюхал Диану, вопросительно таращась: «Не знаешь, где мой хозяин? Нет?» – и опять свернулся на своей постели. С покрытого шкуркой стула у приоткрытой балконной двери на гостью надменно взирал дымчато-серый кот.

Хозяйка предложила Диане стул возле стола, а сама уселась на диван, сложив на коленях руки, прямая и скорбная.

– Вы, наверное, хотите знать про вчерашнее утро? – спросила она. – Я пыталась вспомнить что-нибудь... необычное... Но ничего такого не было. Алекс встал, как всегда, в пять, немного погулял с Икаром... Икар это вот, наш пес. Потом привел его назад, взял сумку и уехал в храм. И... всё.

– Он сказал, когда вернется?

– Да, он обещал вернуться не позже трех. Но я вчера была на работе до вечера, так что обедать он должен был с дочерью... А потом Лариса звонит мне где-то около четырех и говорит, что дома его до сих пор нет, а из храма позвонили, сказали, что он и на службу не при-

шел. Но я никак не думала... Испугалась, что, может, ему плохо стало... или автобус в аварию попал... Позвонила в астиномию, и они... сказали.

Женщина стиснула руки и умолкла. После небольшой паузы Диана спросила:

– Значит, отец Александр ничего не говорил о том, что собирается с кем-то встречаться? – Госпожа Зесту качнула головой. – А когда он вчера вернулся после прогулки с собакой, он тоже ни о чем необычном не говорил? Никто ему не встретился, ничего подозрительного?

– Нет, нет... Да вы знаете, если б он кого и встретил, он мог и не рассказать, особенно если что-то неприятное. Он старался нас не расстраивать лишний раз... Но вчера он вернулся спокойный, веселый даже. С Новолетием поздравил. Когда он уходил с Икаром, я еще спала, а тут уже проснулась.

– Он всегда так рано вставал?

– Да, всегда в пять, уже одиннадцатый год, с тех пор как собаку завел.

Диана невольно обвела глазами комнату, подумав, что держать в такой тесноте собаку – не самое разумное решение... Госпожа Зесту, видимо, угадала ее недоумение:

– У нас тесно, конечно, но он завел собаку прежде всего для себя, потому что полнеть начал.

– Полнеть?

– Ну да, понимаете, у священников режим дня не совсем здоровый: много стоять приходится, а когда литургия, то завтрак поздно; обед, ужин – всё сдвигается... Вот Алекс и подумал: будет собака – поневоле придется каждый день гулять, ходить много. Так и вышло, с тех пор уж он не толстел...

– Понятно. То есть он всегда сам гулял с собакой?

– Да, но иногда я или Лариса, если вечерняя служба у него поздно заканчивалась.

– Значит, вчера ничего обычного не было. А до этого, в предыдущие дни? Он не рассказывал о каких-то конфликтах с сослуживцами или с кем-нибудь еще? Может быть, какая-то ссора, угрозы?

Женщина медленно качнула головой.

– Я думала об этом, пыталась вспомнить... Нет, ничего такого. Да он особо и не рассказывал о конфликтах, даже если они и случались. То есть я видела, когда он не в настроении, но старалась не спрашивать.

– Почему?

– Он не любил таких расспросов. Если считал нужным что-то рассказать, то говорил сам, а так, если не хотел говорить, то только пробурчал бы «пустяки» и рукой махнул... В любом коллективе бывают конфликты, церковь – не исключение, но он старался дома просто жить в семье, быть с нами... чтобы не тащить сюда никакие дразги.

– То есть он относился к церкви как к работе: вернулся домой и оставил всё за порогом?

– Нет, не так. – Кажется, женщина немного обиделась. – Церковь для него была местом служения. Высокого служения. И он не хотел... унижать ее сплетнями и пересказами чьих-то неблагоприятных поступков. У всех свои слабости, в том числе у священнослужителей, но это же не повод перемывать кости! У нас в семье и без этого хватало тем для разговоров.

– Каких же, например?

– Да каких угодно... Алекс интересовался современной наукой и культурой, литературой, кино, а не только одни духовные книги читал, если вы об этом подумали. Но и духовных книг читал много. Он говорил: «Ко мне люди приходят, могут спросить, что я думаю о такой-то книге, стоит ли ее читать. Я должен знать, что им ответить». Он к своим обязанностям серьезно относился. И современную культуру тоже старался узнавать, он ведь духовником был, а это общение с разными людьми, надо со всеми уметь говорить...

– И он умел? У него было много духовных детей?

– Не могу сказать, об этом он не рассказывал. Но люди его любили, спросите хоть у бабушек в Парфеноне!

– А почему он решил стать священником? Я знаю, что сначала он работал на заводе. Что привело его в церковь?

– Он с детства был очень верующим, с пяти лет убегал в храм, когда гулял. И еще со школы хотел священником стать. Но его мать очень этому противилась, не давала благословения, даже грозились из дому выгнать. Так что он сначала выучился на механика, пять лет проработал, а потом сказал матери, что хочет высшее образование получить и пойдет в академию. Она решила, что в нашу главную, и дала благословение. А он поступил в Духовную. – Тут вдова слабо улыбнулась. – Ну, а потом уже что ж, стал учиться, пришлось ей смириться с тем, что сын все-таки будет священником.

– Что значит целеустремленность!

– Да, он был очень целеустремленный! Если что считал правильным, то добивался упорно.

– То есть он мог при случае пойти на конфликт, если его понятия о правильном разошлись бы с понятиями коллег или начальства?

– Да, мог. Но он старался улаживать конфликты мирным путем.

– Итак, в последнее время ни о каких ссорах вы не слышали. А раньше? Были ли у отца Александра серьезные стычки с кем-то на работе, скажем, несколько месяцев назад? Или еще раньше?

Госпожа Зесту задумалась ненадолго.

– Серьезных вроде и не было... Разве что... Но это было уже давно, больше двух лет назад...

– Да? – Диана насторожилась. – Когда именно?

– Как я помню, весной две тысячи одиннадцатого... Митрополит решил сделать казначеем Димитрия, а большинство священников возмутилось, что он слишком молод, неопытен. И Алекс тоже говорил, что поручили заведовать деньгами «мальчишке», очень недоволен был, ворчал.

– Вы имеете в виду Димитрия Логофетиса? – уточнила Диана.

– Да. Ну, ему в этом году тридцать исполнилось, уже не мальчишка, конечно. – Женщина слегка усмехнулась. – Просто он выглядит молодо и так, знаете, франтовато. Священники там все старше него, им трудно было его всерьез воспринимать. Димитрий – юрист по образованию, очень умный молодой человек. До него казначеем в Парфеноне женщина была, бухгалтер, опытная, предпенсионного возраста. Видно, владыка решил дать дорогу молодым. Но это было правильное решение. Димитрий хорошо себя показал.

– В самом деле?

– Да, его скоро все оценили и стали хвалить...

– И отец Александр?

– Алекс хвалить не хвалил, но уже не ворчал. Один раз я его спросила, как там новый казначей справляется, а он засмеялся: «Парень не промах!» А потом он даже домой к нам приходил.

– Логофетис?

– Да. Алекс тогда приболел, а у него день рожденья как раз был и именины, всё в один день, на Александра Константинопольского. Димитрий к нам пришел, принес поклон от владыки и подарки... Такой вежливый, обходительный, мне понравился... Даже Ларисе понравился, хотя она у нас такая критиканка, особенно в отношении парней! В общем, я думаю, этот конфликт из-за казначейства точно в прошлом.

Диана ощутила досаду: пока никаких зацепок не вырисовывалось. А если они и есть, вдова о них без понятия.

– На опознании вы сказали, что рубашка, в которой был найден отец Александр, не его. А во что он был одет вчера, когда вышел из дома?

– На нем была белая рубашка с коротким рукавом. А всё остальное – то, в чем его нашли.

Белая – ну, конечно, на белой кровь сразу видна, вот убийцы ее и поменяли. Жаль, что найти ее, видимо, не получится.

– У отца Александра был ежедневник или записная книжка?

– Да, ежедневник был, но он его всегда брал с собой в храм, так что он должен быть в сумке...

– Которая пропала.

– Да...

– А что еще он носил в сумке?

– Как обычно – паспорт, книги, телефон... когда жарко. Когда прохладно, телефон он клал в карман куртки.

– Планшета или ноутбука у него не было?

– У него... у нас есть ноутбук. Мы им вместе пользовались. Немного, правда, так, что-нибудь в интернете посмотреть, фильмы иногда... Но с собой Алекс его никогда не брал.

– Мне придется на время забрать у вас этот ноутбук. Мы должны узнать, что отец Александр смотрел в интернете в последние дни, кому писал по электронной почте. Это может быть важно для следствия.

– А разве это можно, – удивилась вдова, – узнать, что он смотрел в интернете?

– Да, есть способы.

Диана мысленно улыбнулась. Люди, особенно немолодые, всё еще часто думали, будто данные о том, что они делают во всемирной паутине, волшебным образом исчезают, когда они закрывают программу и выключают компьютер. Тем лучше: возможно, проверка принесет что-нибудь интересное.

– Ну, что ж, забирайте, – промолвила госпожа Зесту. – Едва ли я буду в ближайшие дни бродить по интернету... А если что, у Ларисы есть компьютер.

Она встала, взяла с пианино ноутбук и передала Диане. Та поблагодарила и, достав из своего рюкзака большой пакет для вещественных доказательств, поместила туда ноут и выдала вдове расписку о его временном изъятии для нужд следствия.

– Значит, ежедневник он носил всегда с собой. А дома у вас есть какая-нибудь отдельная записная книжка или еще что-нибудь такое? Я бы хотела взглянуть. Если отец Александр оставил какие-то записи или записки, это могло бы помочь следствию.

– Нет, ничего такого... – растерянно сказала вдова. – У него была только книжечка, куда он цитаты выписывал из книг. А так... мы пользуемся записками, знаете, на холодильник приклеиваем – такие напоминки, что сделать, но это всё такое... бытовое. Сделаем и выбрасываем. Свои дела Алекс в ежедневник записывал, а не разбрасывал бумажки по дому.

– Могу ли я взять у вас эту книжку с цитатами? Не беспокойтесь, я обязательно верну!

– Да, сейчас...

Госпожа Зесту снова поднялась, подошла к тумбочке слева от дивана, открыла ящик и достала оттуда объемистую записную книжку. В ящике, как заметила Диана, лежали очки, закладки, разные мелочи... но вроде бы ничего интересного. Она взяла протянутую книжку и открыла наугад: страницы были исписаны убористым почерком, цитаты отделялись одна от другой завитушкой, похожей на альфу с длинным хвостиком, имена авторов стояли в скобках. Первая цитата, на которую натолкнулся взгляд, была из некоего святого Феоноста: «Странное скажу тебе слово, но не дивись. Если и не достигнешь бесстрастия по причине, может быть, тиранящих предрасположений, но находясь во время исхода в глубоких чувствах смирения, ничем не меньше бесстрастного вознесешься на облаках. Ибо пусть сокровище бесстрастных составлено бывает из всякой добродетели, но драгоценный камень смирения более

всех их досточестен и высок и стяжавшему его доставляет не только умилоствление пред Богом, но и вход вместе с избранными в брачный чертог царствия Его».

«Интересно, в каких чувствах отошел Зестос из этой жизни? – подумала Диана. – Станет ли помышлять о смирении человек, на которого внезапно наставили пистолет?»

– Наверное, я вам ничем не помогла, – огорченно проговорила вдова, вновь опустившись на диван. – Но Алекс в самом деле старался не говорить со мной о неприятностях, ограждал. У меня ведь своя работа нелегкая, всё время с людьми, с больными, я часто сильно устаю...

«Медсестра, – вспомнила Диана ее досье. – Да, в таких обстоятельствах нормальный муж вряд ли станет вываливать на жену жалобы на поповские разборки, если таковые и были...»

– А ваша дочь? – спросила она. – Ей он не мог что-нибудь рассказать? Поделиться чем-то, что не говорил вам?

– Возможно... Она ведь из Академии обычно не поздно возвращается, часто раньше меня бывает дома.

– Могу я с ней поговорить? Она дома сейчас?

– Да... Лариса! – позвала хозяйка.

Из коридора раздался звук открываемой двери, и через пару секунд в комнату вошла худенькая девушка. Сразу бросилось в глаза ее сходство с отцом: те же черты лица, те же глаза, тот же темно-русый цвет волос. Лариса Зесту, как гласило ее досье, окончила юридический факультет Афинской Академии и теперь училась там же в аспирантуре.

«Интересно, кем она хочет стать? – подумала Диана. – После нынешних событий я бы на ее месте пошла в прокуроры».

– Кентарх Диана Терзи, – представилась она. – Я бы хотела задать вам несколько вопросов.

Девушка лишь кивнула и уселась на диван рядом с матерью, легким движением погладив ее по плечу. На вопрос о возможных конфликтах на работе у отца Лариса ответила отрицательно: ни о чем таком он ей не рассказывал. Об истории с назначением Логофетиса девушка сказала:

– А, это! Папа тогда был недоволен, да. Но это быстро прошло. Дмитрий умный, в деньгах разбирается, из него хороший казначей вышел!

– Вы это со слов отца говорите? – уточнила Диана.

– Нет. – Лариса, казалось, слегка смутилась, но тут же прямо посмотрела ей в глаза. – Просто я с Дмитрием иногда общаюсь, он же тоже юрист, как и я... То есть я будущий, а он со стажем, и мне интересно было его поспрашивать о том, о сем. Он финансовым юристом работал до того, как сюда приехал, много всего знает... Казначеем ему быть в самый раз, я думаю. Уж вряд ли Галина больше него понимала в финансах!

– Галина?

– Бывшая казначейша Парфенона, – пояснила Валентина Зесту. – Галина Алексиу.

«И что же такой умный и даровитый молодой юрист делает среди попов?» – подумала Диана и спросила:

– А где он работал финансовым юристом, вы знаете?

– Он... – начала Лариса и вдруг растерянно умолкла. – Странно... Вроде бы я его спрашивала об этом, а что он ответил, не могу вспомнить... Но точно что-то связанное с торговлей.

– Ясно. Итак, ни о каких серьезных конфликтах вашего отца с кем-либо из Парфенона вы не знаете? Он ничего такого не рассказывал, не выказывал особенного недовольства кем-либо или кем-либо, ничем не был обеспокоен или раздражен в последнее время?

– Ну, разве что... – проговорила Лариса. – Хотя это, наверное, просто фигура речи... В общем, он однажды в прошлом месяце пришел домой мрачный...

– Когда именно это было? – Диана приготовилась записывать.

– Недели три назад... Да, в субботу.

– То есть, – Диана сверилась с календарем на форзаце своего блокнота, – десятого августа?

– Да, получается так... Папа в тот день исповедовал в Парфеноне с двух часов дня, потом там вечерняя служба была, а после нее еще исповедь, так что он вернулся часов в девять. Мама дежурила в больнице, я одна была дома. Папа пришел очень мрачный, давно я его таким не видела... Я спросила, что случилось, он сначала просто рукой махнул, а потом проворчал: «Нашу церковь превратили в бордель!» И сразу ушел с Икаром гулять, не поужинал даже. А когда вернулся, уже был спокойным, поел и ушел к себе молиться. И после уже больше ничего такого не говорил...

– «Церковь превратили в бордель»? – переспросила Диана. – И как вы думаете, что это может значить?

– Не знаю. – Лариса слегка отвернулась и посмотрела на Икара. – Думаю, ничего это не значит... Скорее всего он думал о нынешней ситуации в церкви вообще... О том, что много недостойных людей... что-то такое. Просто метафора.

***

Прежде чем идти к митрополиту Афинскому, Шекер позвонил Диане.

– Как успехи?

– Почти по нулям. Из потенциально полезного – только ноут и блокнот с цитатами. И еще я узнала, по какому пути Зестос ходил к остановке автобуса, чтобы ехать в храм.

Напарница пересказала то, что сообщили жена и дочь убитого, в том числе о молодом казначее Парфенона.

– Есть одна неувязка, – заметил комит. – Логофетис никогда не работал финансовым юристом. По крайней мере, официально.

– Ну да, я видела пробел в его досье. Но Лариса Зесту об этом, похоже, не знает. По ее словам, она спрашивала, где он работал, но его ответ вспомнить не может. Якобы где-то в торговле. Такое впечатление, что он или ушел от ответа, или запудрил ей мозги.

– Может, она ему нравится. Она учится на юриста, и он придумал очаровать ее таким образом. Вот поговорим с ним и спросим, где он ошивался до Парфенона. Подъезжай-ка сюда, а я пока нанесу визит его высокопреосвященству.

К митрополиту Дионисию Хоша пропустили сразу. Владыка встретил комита любезно, пригласил сесть. Пока сам хозяин устраивался в кресле за письменным столом, Шекер окинул взглядом кабинет. Он находился на втором этаже в угловой комнате здания Митрополии, одно окно выходило на восточный фасад Парфенона, за другим, с балконом, расстилалась панорама города. Мебель простая, однако дорогая: дерево, кожа, стулья с удобными спинками, книжные шкафы с металлическими ручками оригинальной формы. За стеклами поблескивали золотыми буквами корешки томов – церковные издательства почему-то обожали подобное блестящее оформление. Икон немного, но красивые, тонкого письма и точно древнее двадцатого века: Христос, Богородица Афинская, простирающая омофор над городом, Дионисий Ареопагит, Иерофей Афинский, еще несколько святых. Над столом в раме – большой пейзаж маслом в импрессионистической манере: Афины на рассвете, вид на Акрополь. На столе – аскетический минимум: ноутбук, ежедневник, письменные принадлежности, мобильный телефон на подставке в виде корабля.

Митрополиту Дионисию шел шестьдесят третий год. Он был достаточно высоким, под метр восемьдесят, ширококостным мужчиной с еле наметившимся брюшком. Когда-то русые волосы обильно покрывала седина, аккуратно подстриженная борода чуть вилась, залысины на висках зрительно расширяли лоб. На владыке был подрясник из серого льна. Несмотря

на любезный тон приветствия, темно-серые глаза преосвященного смотрели из-под кустистых бровей настороженно. Сложив руки на животе, он выжидательно поглядел на астинома.

– Прежде всего я хотел бы выразить сочувствие в связи с произошедшей трагедией, – произнес Шекер. – Судя по тому, что мне рассказали клирики в храме, вы потеряли одного из лучших священников.

– Это так, – кивнул митрополит. – Отец Александр был человеком высокой души и благоговейным священнослужителем. Только слуги сатаны могли поднять на него руку!

– С этим не поспоришь, но мне думается, у убийцы были какие-то конкретные мотивы. Что вы можете сказать об этом? Могли среди знакомых отца Александра быть враги, желавшие ему смерти?

– Если вы намекаете на кого-то из людей церковных, то это исключено, – отрезал Дионисий. – Он никому не делал зла и ни с кем не враждовал, как истинный христианин.

– А среди людей нецерковных?

– Не думаю, что он с такими много общался, – угрюмо ответил митрополит. – Дело священника – проповедовать и просвещать тех, кто ищет просвещения, а не тех, кто не ищет.

– Но ведь в церковь заходят разные люди, – возразил Хош. – Любопытствующие, туристы, да кто угодно. Я узнал, что священники в Парфеноне ежедневно несут дежурство не только для совершения служб, но и чтобы беседовать с приходящими.

– Да, в церковь приходят разные люди, и случайные, и почти ни во что не верящие, но мы никому ничего не навязываем. В нынешнюю эпоху секуляризма и, прямо сказать, прохладного отношения общества к церкви возможности для проповеди не столь широки, как кажется. Это только официально у нас православное государство, а реально православие мало кому нужно. Когда-то в Парфеноне был клир в несколько десятков человек, и это не считая приписных храмов, а теперь, как видите, даже десяти служащих священников не наберется. Мы выступаем в СМИ, по радио и телевидению, издаем книги, проводим крестные ходы, участвуем в общественных церемониях, но современные люди, прямо скажем, не хотят слышать ничего такого, что шло бы вразрез с их обычной жизнью. Кто сейчас добровольно пожелает нести крест христианской аскетике, ограничивать себя в развлечениях и удовольствиях? Единицы! Остальные хотели бы войти в царство Божие, никак не меняя свою жизнь. Разве не этому служит нынешние либеральные взгляды на Бога как на любящего и всепрощающего Творца, который любого принимает с распростертыми объятиями? Никто не хочет видеть в Боге Судью, никто не хочет думать, что за грехи придется отвечать! – Говоря это, митрополит постепенно разгорячился, сверкал на Шекера глазами, но внезапно умолк и махнул рукой. – Да что я, вы же астином, сами всё понимаете.

– По крайней мере, в одном мы с вами сходимся – во мнении, что за грехи надо отвечать. Но я предпочитаю, чтобы за них отвечали перед земным судом, не дожидаясь божественного, так оно вернее. – Хош позволил себе легкую улыбку. – Вернемся к отцу Александру. Итак, вы полагаете, что никто из клириков или церковных работников не мог желать ему зла?

– Никто, – решительно подтвердил митрополит.

– И никто из людей, с кем он мог общаться во время дежурств в храме?

– Не представляю себе такого. Если священнику задают вопрос, он отвечает. Если его зовут совершить таинство или обряд, он идет и совершает. Но я не могу вообразить, чтобы при общении с людьми, даже далекими от православия, отец Александр сказал бы или сделал что-нибудь такое, за что его можно было возненавидеть. Он был человеком спокойным и уравновешенным, обладал жизненной мудростью, знанием человеческой психологии. Он умел общаться с разными людьми. – Дионисий погладил бороду. – Если б на его месте был отец Георгий, я бы еще мог заподозрить, что он по горячности кому-то сказал что-нибудь... нетолерантное, он еще относительно молод и характера беспокойного... Но отец Александр? Исключено!

– Отец Георгий это тот, что заболел, как мне сказали? – Дионисий кивнул. – А что с отцом Стахией? Я бы хотел с ним тоже поговорить, но он, говорят, в отъезде.

Митрополит посмотрел в окно и ответил:

– Отца Стахия я послал в Коринф. У тамошнего владыки Иоанна сегодня именины, отец Стахий отвез ему подарок от меня и сослужил с ним сегодня. Он вернется вечером. Не знаю точно, во сколько, но вы в любом случае сможете поговорить с ним завтра после литургии.

– Ясно. – Шекер несколько секунд внимательно смотрел на Дионисия. Тот хранил мрачное молчание. – Скажите, какова в таком случае ваша версия мотивов убийства?

– Я же с самого начала сказал вам, – слегка раздраженно ответил митрополит, – это дело рук сатанистов!

Хош удивленно моргнул. Он-то думал, что «слуги сатаны» – просто метафора...

– То есть вы имеете в виду секту сатанистов? – уточнил комит.

– Ну да, – подтвердил преосвященный, явно недовольный такой непонятливостью слушателя порядка. – В последнее время они постоянно что-нибудь выкидывают. То стены Свято-Никольского храма разрисовали в Пирее, то кошку распяли и подкинули к церкви святого Георгия на Ликавите... Совершивший грех один раз, другой, третий, неизбежно входит во вкус! А сатана не дремлет и толкает всё глубже в пропасть. Между прочим, в Пирее они не только пентаграммы на стенах нарисовали, но еще и угрозы всякие написали в адрес священнослужителей.

– Какие, например?

Митрополит сдвинул брови.

– Например: «Поп, берегись!», «Ряса не защитит, Бог не спасет», «Сатана вас всех убьет». Я тогда посоветовал настоятелю подать заявление в астиномию, но хулиганов так и не нашли... А я думаю, что и не старались найти, – добавил владыка угрюмо. – Сейчас снисходительно относятся ко всяким граффити. Многие даже видят в этих каракулях современное искусство, которое украшает город! Никто не думает о том, что хулиган может стать в будущем преступником, а особенно, – Дионисий в упор посмотрел на комита, – бесстыдно замахнувшийся на святую церковь.

Конечно, Шекер прекрасно знал, что люди способны на всякое, что человеческая жестокость безразмерна и от убийства кошки до убийства человека дистанция не так велика, как кажется... Но версия митрополита вовсе не казалась ему правдоподобной. Однако собственными догадками делиться с владыкой он не собирался.

– Что ж, спасибо за сведения и соображения, – сказал он, вставая. – Мы будем разрабатывать все возможные версии убийства. Надеюсь, преступник скоро будет пойман и предстанет перед законом.

***

Выйдя из митрополичьего дома – так по старинке называлось это здание, хотя митрополиты не жили там уже лет пятьдесят, а лишь принимали посетителей и проводили церковные мероприятия, в остальном же дом предназначался для административно-хозяйственных служб Парфенона, – Шекер обнаружил в телефоне свиток от криминалистов. По частицам чехлов и покрытия, найденных на одежде Зестоса, они с помощью базы данных определили марку машины, в которой его везли до Приморского шоссе, – «альфа-3» две тысячи девятого года выпуска, цвет черный, серый или белый. «Просто отлично! – подумал Хош с досадой. – Да у нас полно асти на этих „альфах“ ездит, не говоря о прочих горожанах». Но что поделать! Это только в плохих детективах убийца будет ездить на «альфе-7» или на «фатихе», а в реальности владельцы таких машин обычно убивают чужими руками. Шекер позвонил декарху, руководившему группой астиномов, которые должны были опросить жильцов домов вдоль тех улиц,

где убитый священник обычно ходил к остановке автобуса: теперь известен и маршрут Зестоса, и марка машины преступников, пора приниматься за дело. Все-таки ранним утром автомобилей на улицах мало, кто-нибудь мог обратить внимание и на серенькую «альфу».

Затем комит вновь направился в Парфенон. Теперь вместо прихожан его заполняли туристы. Возле книжно-сувенирной лавки в притворе толпился народ, и Шекер предпочел туда не обращаться, но отправился в главный неф и подошел к уборщице лет пятидесяти, которая медленно двигалась вдоль южной стены храма, толкая перед собой полотер. Представившись и показав удостоверение, Хош спросил:

– Не подскажете ли, могу я поговорить с Таис Кустой? Она ведь здесь работает?

Женщина обрадовалась возможности сделать перерыв в уборке. Выключив полотер, она поправила на голове белый платок и ответила:

– Да, работает, но сегодня у нее выходной, так что она дома. Батюшку-то Александра убили, так она, думаю, очень скорбит, она ж его чадом духовным была, самым преданным!

– Даже так?

– Да, слушалась его, советов спрашивала, любила его очень! Горе-то какое, Господи...

– А отец Александр как к ней относился?

– Как к дочери духовной, а как же еще? – Женщина взглянула на него с неожиданной суровостью. – Ласково, но и строго, всего в меру. Руководство духовное это вам не шутки, молодой человек!

– Понимаю. – Хош серьезно кивнул, хотя мысленно возвел глаза к небу. – А вы сами часто общались с отцом Александром?

– Так чтобы по душам, не часто, я духовно окормляюсь у отца Кирилла. Но отец Александр всегда при встрече меня благословлял, спрашивал, как дела, ободрял. Душевный был батюшка, добрый! И служил благоговейно, не спешил никогда, не то что эта молодежь нынешняя – трещат как сороки, скорей бы им окончить и бежать куда-то... Осуждение это, конечно, – спохватилась женщина, – но ведь правда же, служить Богу нельзя спустя рукава! Небось у императора на приеме они бы так не трещали и не рвались поскорей убежать, а у небесного Царя... Ох! – Она махнула рукой.

– Я с вами согласен, Богу надо служить с толком и расстановкой. А скажите, давно у вас работает госпожа Куста?

– Второй год.

– Вы с ней знакомы достаточно близко, наверное?

– А то как же! Вместе же работаем, мы тут все друг другу братья и сестры.

– Мне интересно, почему она пришла работать в церковь. Ведь она ученая, работала в Академии – хорошее место.

– Уж конечно, платят там куда больше! – сказала женщина, как показалось Шекеру, с завистью и умолкла. Заметив, что она колеблется, Хош добавил:

– Я спрашиваю не из праздного любопытства, уверяю вас. Хочу узнать, что за люди окружали отца Александра. Что привело сюда Таис?

– Это личные причины, – пожевав губами, ответила уборщица. – Но она об этом подробностей не рассказывала. Она, знаете, не очень-то любит откровенничать.

– Вот как, – отозвался Шекер, отметив, что неразговорчивость Кусты, похоже, не слишком нравилась ее коллеге по церковной работе. – Как-то не по-сестрински это выходит, я думаю?

– Что верно, то верно, – подтвердила женщина и заговорила более доверительно. – Мы, конечно, в душу друг другу насильно не лезем, грешно это, но между собой делимся проблемами, сомнениями... Батюшке-то не всё можно сказать, да и нехорошо к нему со всякими мелочами приставать, а между собой, бывает, обсудишь, так и легче станет, а то и посоветует кто-нибудь что полезное...

– А Таис, значит, делиться с вами не очень желает. Не доверяет?

– Думаю, это всё от гордости. – Женщина снова поджала губы. – Она же из образованных, у нее и брат ученый, профессор, тоже в Академии работает, сам ректор – его давний друг... А мы что – люди простые, академий не кончали. Скучно ей с нами, наверное...

– Зачем же она сюда пришла? В монахи что ли метит?

– Да ну! Если и метит, то это так, мечта. – Женщина покачала головой. – Я-то вижу, не приживется она у нас, уйдет. Не ее это.

«Надеюсь, – подумал Шекер. – Негоже ученым людям полы в церкви мыть».

– То есть она покойного отца Александра знала всего полтора года?

– Нет, с ним она давно знакома! Она же к нам уже сколько лет ходит...

– Сколько?

– Да... лет пять уж точно. Окормлялась у батюшки Александра всё время.

– Окормлялась?

«Шайтан их задери с этим церковным жаргоном!»

– Конечно! Исповедь, духовные советы, всё как положено.

– И часто она к нему ходила?

– Да, почитай, каждую неделю. Он по субботам-то целый день в храме был, вот к нему чада духовные и приходили, поговорить, посоветоваться или просто за благословением... Хороший был человек! Какие же нелюди его так могли, Господи?!

– Вот это мы и выясним, обязательно!

Покинув Парфенон, Шекер спустился с Акрополя, размышляя о Кусте. Ему почему-то не давала покоя мысль, как девушка из такой среды и с хорошим образованием внезапно оказалась на работе в церкви, да еще в столь убогом окружении: все эти женщины и попы – явно не та компания, где она могла бы чувствовать себя комфортно, даже если предположить пламенную приверженность Таис к убитому Зестосу... Итак, друг ее родного брата – сам Киннам. Ректор Академии, известный ученый, знаменитый писатель, красавец-мужчина. Они, скорее всего, достаточно хорошо знакомы... «Личные причины»? Таис пришла работать в Парфенон в феврале прошлого года. А Киннам в прошлом году женился – когда же именно?

Оказавшись в машине, Хош взял планшет, зашел в сеть и быстро узнал, что Феодор Киннам объявил о своей помолвке с Афинаидой Стефанити тридцатого января минувшего года. Если это те два и два, которые надо сложить, то личные причины – банальная несчастная любовь? Что говорить, Киннам – хороший герой для романа, но не глупо ли в тридцатилетнем возрасте из-за несчастной любви идти работать в церковь? Или эта Таис – просто великовозрастная инфантилка?

Размышления Шекера прервал звонок Дианы: напарница сообщила, что подъезжает к стоянке.

– Отлично! – сказал комит. – Сейчас мы с тобой нанесем визит господину казначею. Он живет тут неподалеку.

***

Шекер с Дианой быстрым шагом вышли на мощеную камнем пешеходную улицу Дионисия Ареопажита, что огибала Акрополь, и повернули налево, стараясь идти в тени деревьев. Впрочем, в тени тоже было немилосердно жарко. Хош чувствовал, что рубашка прилипла к спине. Диана спросила о его визите к митрополиту.

– Это было забавно, – ответил Шекер. – Вот, Ди, представь, что ты сатанистка.

– Хм. И?

– И решила зверски насолить церковникам, убив одного из них. Кого бы ты выбрала в качестве жертвы?

– Кого-нибудь заметного. Известного, популярного у верующих.

– Мне тоже так кажется. Но был ли таким Зестос?

– Он же был одним из духовников Парфенона. В принципе, заметная персона.

– Да, но был ли он при этом популярным? Я думал расспросить об этом Кусту, но ее сегодня нет в храме. По крайней мере в СМИ он точно не выступал и никаких статей или книжек не писал. Вот, например, Макрис, и. о. настоятеля, писал и интервью давал, я нашел кое-что об этом в сети. Не говоря уж о самом митрополите. А Зестос... По-моему, он был известен только прихожанам Парфенона. И зачем сатанистам его убивать?

– А что, это версия митрополита?

– Да. И мне она кажется идиотской. Кто такие местные сатанисты? В основном парни от пятнадцати до восемнадцати лет, переживающие подростковый бунт из-за религиозного семейного воспитания. Когда они оканчивают школу и куда-то поступают, всё это обычно сходит на нет. Некоторые не поступают никуда и продолжают болтаться на улице, но тогда они быстро увлекаются чем-то посерьезней расписывания стен храмов или распятия кошек. И в любом случае убийство голубя и расстрел священника это разные весовые категории.

– Уж конечно!

– Скорее всего, митрополит ухватился за эту версию, как наиболее безопасную. Куда приятней свалить всё на сатанистов, чем подозревать кого-то из своих в убийстве или в связях с бандитами.

– Вот уж едва ли Зестос был связан с бандитами! Его семья живет небогато, ютятся в тесной квартире с собакой и котом. У них даже машины нет. Не похоже, что Зестос прикасался к каким-то нелегальным денежным потокам. Может, кто-то таким образом решил запугать самого митрополита?

– Но тогда почему он выбрал жертвой именно Зестоса?

– Потому, что его было легче всего подстеречь?

Шекер немного подумал.

– Это возможно, но всё равно кажется мне маловероятным. Надо выяснить, как добираться на работу остальные клирики.

– Разве ты их не спросил?

– Не имело смысла, пока криминалисты не узнали марку машины, а я получил ответ только что: «альфа-три».

– Пфф!

– Да, но теперь можно, не привлекая лишнего внимания, узнать по «Автодрому», ездит ли кто-то из работников Парфенона на такой машине... Так, мы пришли.

Димитрий Логофетис жил в четырехквартирном домике, где в каждое обиталище вел отдельный вход. Все квартиры были двухуровневыми, занимая второй и третий этажи, а на первом располагались гараж и кладовые; крыша была оборудована солнечными батареями. Хозяин встретил астиномов с любезной улыбкой. Это был высокий худощавый брюнет; темно-каштановые кудрявые волосы окружали несколько вытянутое лицо, придавая молодому человеку чуть романтический вид; деловую нотку приносили сидящие на длинном остром носу круглые очки в тонкой, явно дорогой оправе. Казначей Парфенона выглядел моложе своих тридцати и, на первый взгляд, располагал к себе. Он пригласил астиномов в гостиную, чья достаточно простая, но недешевая обстановка показывала, что у хозяина есть вкус. В комнате стояла приятная прохлада: работал кондиционер. Почти полностью застекленная стена выходила на широкий балкон, где стоял круглый столик и два плетеных кресла. Отсюда можно было созерцать Акрополь и южный фасад Парфенона.

– Могу я предложить вам кофе? – поинтересовался Логофетис.

– Да, пожалуйста, – кивнул Шекер. – Черный, с одним кусочком сахара.

– А мне с двумя, – сказала Диана. – Спасибо!

Димитрий покинул комнату. Астиномы огляделись.

– Что ж, зарабатывает он неплохо, – заметила Диана. – Снимать такую квартиру в этом районе...

– Казна Парфенона, видимо, позволяет.

Хош поднялся с дивана, куда их усадил хозяин и, повернувшись, принялся разглядывать картину на стене. Копия известного полотна Одиссея Андруциса «Победитель» изображала финальный момент колесничного забега Золотого Ипподрома: четверка гнедых коней пересекала финишную черту перед императорской ложей, с животных падала пена, лицо возницы в зеленой форме горело азартом и ликованием. Художник изобразил знаменитого Петра Асана, кумира ипподромных фанатов середины прошлого века, столь же популярного в свое время, как теперь Василий Феотоки.

Шекер отошел к окну, несколько мгновений глядел на открыточный вид, потом обернулся к Диане. Она, не вставая с места, внимательно изучала комнату. Впрочем, ничего особенного тут не было: обитые светлым деревом стены, книжные стеллажи, большой плазменный телевизор, стереосистема, складной стол у стены, журнальный столик и пара кресел в углу. Хош подошел к стеллажам рассмотреть книги: здесь была и юридическая литература, и православная, в том числе богословская, и художественные произведения – в основном так называемые интеллектуально-психологические романы, и полка с книгами по искусству и архитектуре, десятка три путеводителей по европейским городам...

Комит вновь уселся рядом с напарницей за несколько мгновений до возвращения Логофетиса. Димитрий поставил принесенный поднос на журнальный столик и, подкатив его к астиномам, выгрузил чашки, а поднос убрал на нижнюю полку столика.

– Благодарю! – сказал Хош. Диана просто кивнула.

Эспрессо был великолепен, и Шекер подумал, что на кухне у Логофетиса наверняка стоит дорогая кофемашина. Хозяин опустился в одно из кресел наискось от астиномов и спросил:

– Чем могу быть вам полезен?

– Мы пришли поговорить об убитом отце Александре.

На лице Димитрия появилось скорбное выражение.

– Да, ужасная история! До сих пор не верится, что такое могло случиться! В голове не укладывается...

– Вы хорошо знали отца Александра?

– Не то чтобы очень. – Логофетис медленно повел головой из стороны в сторону. – Мы не дружили, если вы об этом. Но по возрасту нам и странно дружить. Я общался с ним по церковным делам, не более того.

– То есть вы у него не окормлялись? – Хош решил блеснуть новоприобретенным знанием церковного словечка.

– Нет. Мой духовный отец – владыка Дионисий.

– Вот как, – сказала Диана. – Но с дочерью отца Александра вы общаетесь. Разве она никогда не говорила с вами об отце?

Если Логофетис и удивился, что его отношения с Ларисой Зесту известны астиномам, то виду не подал. Впрочем, выражение его глаз за стеклами очков разобрать было невозможно. Шекер мысленно подсадовал, что Димитрий сел слишком далеко, чтобы улавливать малейшие движения на его лице, но заподозрить его в том, что он сделал это нарочно, не было повода: в комнате просто отсутствовало более близкое к дивану сиденье.

– С Ларисой мы говорили о других вещах. Мы оба юристы, так что у нас были темы поинтересней, чем родители. – Димитрий слегка улыбнулся.

– Лариса говорит, что до приезда в Афины вы работали финансовым юристом, – сказал Хош.

– Немного работал, да, – подтвердил Логофетис.

– В списке ваших официальных мест работы ничего подобного не значится.

– Официально я и не работал. – Дмитрий пожал плечами. – Я, знаете, вел свободный образ жизни, подрабатывал, консультируя знакомых. Мне не улыбалось сразу после получения диплома оседать в какой-нибудь пыльной конторе. Хотелось мир повидать, в Европе побывать...

– Судя по вашим путеводителям, – Шекер кинул взгляд в сторону стеллажей, – по Европе вы поездили. А почему не по нашей стране? Или не в Азию?

– Мне симпатичен европейский образ жизни, – ответил Дмитрий, и в его тоне впервые повеял холодок. – А какое отношение это имеет к убийству отца Александра?

– Нас интересует, что за люди его окружали, – пояснила Диана. – Тем более, что вы были, можно сказать, другом семьи.

– Послушайте, я не был другом семьи Зестосов! – запротестовал Логофетис и даже взмахнул руками. – Я у них дома был всего раз, когда отец Александр на свои именины заболел, владыка поручил отвезти ему поздравление и подарки. На моем месте мог оказаться кто угодно другой. Они тогда пригласили меня выпить чаю. Лариса узнала, что я юрист, и захотела со мной еще как-нибудь пообщаться. Мы с ней несколько раз встречались, говорили о юриспруденции, о перспективах молодых юристов в наше время, немного о литературе... Вот и всё. Никаких романтических отношений или чего-то подобного у меня с ней нет, если вас это интересует. И с отцом Александром особых отношений у меня не было. Клирики Парфенона общались с ним куда больше меня.

– А бывали ли у вас конфликты с отцом Александром?

– Нет, – ни секунды не думая, ответил Дмитрий. – У нас были прекрасные отношения. Спокойные, я имею в виду.

– Мне сказали, что священники, в том числе он, поначалу были против вашего назначения казначеем, – сказал Хош.

– Это мелочи, – отмахнулся Логофетис. – Просто я был новым человеком и они, вероятно, мне не доверяли. Но владыка Дионисий настоял, и потом никто об этом не пожалел.

– В самом деле? – спросила Диана. – А как насчет Галины Алексиу?

– Ой, ну что вы! – Дмитрий издал смешок. – Этой женщине было пора на пенсию. Может, она и рассчитывала просидеть в Парфеноне еще лет десять, но вряд ли разумно держать в казначеях человека, который стал слишком медленно соображать и даже путает цифры при составлении счетов!

– А могли ли быть у отца Александра враги? – задал Хош вопрос. – Или какие-то конфликты с сослужителями?

Логофетис задумался, положил ногу на ногу и обхватил руками колено.

– Мне не кажется, что он мог нажать врагов среди клириков Парфенона, – ответил он спустя несколько секунд. – Собственно говоря, я вообще ни разу не видел, чтобы он с кем-то ссорился. – Он еще помолчал и добавил: – Разве что однажды...

– Да? Когда это было?

– Не так давно... Может, недели две назад... Я по воскресеньям и праздникам, когда владыка служит, прислуживаю в алтаре. Свечу ношу, кадило подаю и тому подобное. Так вот, это было перед вечерней службой... Да, две недели назад, в субботу. Я пошел в ризницу и еще до того, как вошел, услышал, как там кто-то переругивается.

– Переругивается?

– Ну, как-то резко говорит, понимаете? То ли выговаривает, то ли спорит... Интонации такие были... раздраженные. Но слов я не разобрал, а когда вошел, они замолчали. Это были отец Александр и отец Георгий. Они со мной поздоровались, но лица у обоих были мрачные.

– А потом?

– Потом они в алтарь пошли, стали приходить остальные священники, пришел владыка, началась служба, я уже ни за кем не наблюдал, не до того было. Но вроде ничего больше не случилось особенного.

– Кто-нибудь еще присутствовал при этой ссоре?

– Там два алтарника крутились, Феодор и Косьма, и еще отец Феофил, если я правильно помню.

Ни алтарник Косьма, ни иеромонах Феофил не упоминали в разговоре с Шекером об этом случае. Запомнили? Не сочли важным? Не хотели подставлять отца Георгия под подозрение? «Надо будет еще раз расспросить их», – подумал Хош.

– А что, – внезапно забеспокоился Логофетис, – неужели вы думаете, что отец Георгий мог... Да нет, это невозможно! Абсурд!

– Мы пока ничего не думаем, – сказал Хош. – Пока мы выясняем, какие были отношения в клире Парфенона и кто где был в момент убийства. Кстати, где были вы вчерашним утром с пяти до восьми?

– Я? – удивился Логофетис. – Здесь, конечно. Спал.

– Почему же вы так сильно опоздали на службу? – поинтересовался Шекер. – Мне сказали, что вы часто опаздываете, но обычно все-таки приходите пораньше.

– Да я накануне лег поздно, нужно было кое-какие документы подготовить. Вот и проспал.

– А что же будильник не поставили? – спросила Диана.

– Да поставил я! – с досадой ответил Димитрий. – Он зазвонил, я его отключил, а потом думаю: полежу еще чуть-чуть, мне идти-то тут до храма всего ничего. А потом очнулся – уже десятый час!

– Да, бывает. Значит, вчера утром вы были здесь? И кто это может подтвердить?

Логофетис уставился на Диану. Хош ожидал, что он возмутится, но Димитрий как-то странно усмехнулся и ответил:

– Анастасия. Ана! – внезапно крикнул он громко и даже повелительно.

– Иду-у! – донесся откуда-то сверху женский голос. Вскоре послышались шаги по лестнице, соединявшей уровни квартиры, и глазам удивленных астиномов предстала девица лет двадцати, среднего роста, одетая в короткий сарафан голубого цвета, босая, загорелая и весьма красивая: золотисто-рыжие волосы, серые глаза, чуть вздернутый веснушчатый нос, высокая грудь, крутые бедра – посмотреть есть на что.

– Здравствуйте! – произнесла она, увидев Шекера с Дианой, и перевела глаза на Логофетиса. – Кто это, Митрий?

– Они из астиномии, расследуют убийство отца Александра.

– Комит Шекер Хош и кентарх Диана Терзи, отдел убийств, – представил Хош себя и напарницу.

– О! – Девица округлила губы. – Это очень, очень печально! Я недавно смотрела новости. Но я ничего не знаю. Я с отцом Александром не знакома.

– Мы только хотели уточнить у вас, где был Димитрий вчера утром с пяти до восьми, – сказал Шекер. Анастасия вытаращилась на него, как будто впервые увидела.

– Как где был? – переспросила она с негодованием. – Конечно здесь, со мной! Где еще ему быть?! Мы лежали в кровати и спали!

Наступила неловкая тишина. Впрочем, неловкость ощутили только астиномы; Логофетиса, похоже, сцена позабавила.

– Как ваше полное имя? – опомнившись, спросила Диана.

– Анастасия-Елизавета Кастамонити, а что?

– Вы тоже здесь живете? – уточнил Хош. Анастасия снова возмущенно выкатила на него глаза.

– Ну, конечно, я здесь живу! Где мне еще жить?! Это же моя квартира!

Мизансцена внезапно перевернулась.

– Квартира ваша, – сказал Шекер, – а Димитрий...

– А он со мной живет. Я ему сдаю комнату.

Диана глянула на Логофетиса, и ей почудилось, что по его лицу промелькнуло злобное выражение. Однако в следующий момент он улыбнулся и сказал:

– Да, я снял у Аны комнату в прошлом году. А потом мы подружились.

Диану так и подмывало спросить, как подобная «дружба» соотносится с христианской верой и прислуживанием в алтаре за митрополичьим богослужением, но это все-таки не имело отношения к делу, и она промолчала. Анастасия тем временем заявила с простодушным тщеславием:

– Да, мы очень хорошо живем! Душа в душу! И вчера утром Митрий был здесь со мной, больше ему негде быть!

– Благодарю вас! – сказал Хош, поднявшись. – Господин Логофетис, если вы вспомните что-нибудь еще, способное помочь следствию, пожалуйста, сообщите мне. – Он вынул из нагрудного кармана рубашки визитку и протянул Димитрию.

– Разумеется, разумеется! – уверил тот.

Снова оказавшись на улице, астиномы несколько метров прошли в молчании, переваривая впечатления.

– Ну и тип! – наконец, произнесла Диана.

– Да, неплохо устроился. – Шекер усмехнулся. – Держу пари, что за комнату он ей давно не платит.

– А ведь за те деньги, что стоит комната здесь, он наверняка мог бы снять целую квартиру в другом месте.

– Ему, видимо, больше нравится так. Центр города, место тихое, квартира богатая, работа рядом, не надо машину гонять... Кстати, интересно, есть ли она у этого преуспевающего юриста? Надо пробить по базе.

– Если Логофетис вчера был с этой девицей, не важно, есть ли у него машина... Интересно, кто такая эта Анастасия? Похоже, дочка богатеньких родителей.

– Ты не хочешь перекусить? – спросил Шекер, бросив взгляд на часы.

– Было бы неплохо. Давай зайдем в «Дионисиаку». Там, конечно, дороговато, зато вкусно, особенно морепродукты.

Вскоре они осели в уютной таверне с видом на Акрополь. Официант принял заказ, и Диана уткнулась в планшет, а Шекер принялся обдумывать всё, что уже узнал.

– А вот и наша Ана, – сказала Диана минуту спустя. – Дочь Романа Кастамонита. Всё ясно. Наверняка живет за счет родителей и эту квартиру ей купили они.

– Ну и дела!

Анастасия оказалась дочерью знаменитого актера, который особенно прославился главной ролью в византийско-австралийской кинотрилогии «Матрица».

– А чем она занята? – спросил Хош. – Ничем?

– Ей сейчас двадцать два, в этом году окончила здешний Театральный институт. Пока нигде не работает. Видимо, собирается стать актрисой или моделью.

– С ее внешностью и умом ей скорее светит второе, чем первое. Ну, а как тебе Логофетис?

– Любитель легкой жизни. Женщин презирает. Но умеет втираться в доверие. Скорее всего, хороший манипулятор... А что говорят о нем в Парфеноне?

– Все отзываются положительно.

– Зестосы тоже. Вот это и подозрительно.

– Что?

– Что он всем нравится. Хотя мне он совсем не понравился.

– Мне тоже. Но на подозреваемого он, по-моему, не тянет. Такие мальчишки обычно стараются не влезать в слишком рискованные и темные дела, тем более что деньги можно достать куда менее затратным путем.

– Ну да, ведь вокруг так много юных Анастасий и доверчивых православных, – скривилась Диана.

***

После обеда астиномы снова отправились в Парфенон: Хош хотел поговорить со свечницей. Уборщица, которую он расспрашивал о Таис Кусте, сообщила, что смена «матушки Марии» приходится на четыре часа, а теперь было как раз полчетвертого.

Диана за обедом успела залезть в «Автодром» – базу, куда были занесены все владельцы автомашин – и узнала, что среди работников Парфенона «альфу-3» черного цвета имел иеромонах Георгий Мелас.

– Интересно, он подбирал ее цвет к рясе или к фамилии?¹ – пробормотала Диана. – Это ведь тот самый поп, чью ссору с Зестосом слышал Логофетис.

– Да, но это еще ни о чем не говорит. Митрополит сказал, что Мелас молод и вспыльчив.

Войдя в храм, астиномы подошли к лавке и остановились перед стеклянной витриной. Здесь были выставлены крестики, от деревянных до золотых, кольца с молитвенными надписями, маленькие энколпии с изображениями святых, четки в виде браслетов. Полочкой ниже на синем бархате поблескивали кресты всевозможных форм и маленькие изображения разных органов тела – сердца, руки, ноги, головы и целые человечки, взрослые и младенцы, из оливкового дерева, меди, серебра и даже золотые с украшениями из драгоценных камней.

– Ди, ты знаешь, что это? – спросил Хош.

– Благодарственные жертвы за исцеления. Эти штуки к иконам привешивают или возле мощей. Агиаски называются.

– То есть помолится об исцелении руки, выздоровел и преподнес святому такую руку?

– Ага. Или просто крестик.

– Странный обычай.

– Очень древний. Такие подношения еще в античности Асклепию делали.

– Зачем святому чья-то серебряная рука?

– Святому – низачем, а вот храму доход и чудотворной иконе реклама. Очередной способ приторговывать благодатью.

За прилавком тем временем происходила смена свечниц: на место полноватой женщины лет пятидесяти с круглым добродушным лицом заступила худая и строгая старушка с темными глазами, тонкими губами и кожей, напоминавшей старый пергамен. Они расцеловались, и первая, прихватив сумку, вышла из лавки через боковую дверку. Астиномы вмиг оказались рядом, поздоровались и представились. Женщина немного встревожилась, но поговорить согласилась охотно, и они вышли в колоннаду Парфенона. Разговор, впрочем, не дал новых сведений: отец Александр ни с кем в храме не ссорился; кто мог желать ему зла, а тем более убить, совершенно непостижимо.

– С отцом Георгием они тоже не ссорились? – спросил Хош.

– Нет. – Свечница выглядела удивленной. – С чего им ссориться? Отец Георгий уважал отца Александра, даже исповедовался у него!

– А что вы думаете о Димитрии Логофетисе? – поинтересовалась Диана. – Нам сказали, что отец Александр был против его назначения казначеем.

---

¹ Фамилия Мелас происходит от древнегреческого μέλας – «черный».

– Ой, нет, это только поначалу наши батюшки были недовольны. Они, знаете, привыкли уже к Галине, а Дмитрий казался слишком молодым. Но потом дела пошли так хорошо, что все теперь довольны!

– В самом деле? То есть после назначения Дмитрия хозяйственные дела пошли лучше прежнего? – уточнил Шекер.

– Да, да! – энергично закивала женщина. – У Дмитрия так много хороших идей, дай Бог ему здоровья!

– Агасками торговать – его идея?

– Как вы догадались? – Мария изумленно посмотрела на Хоша. – Да, его. Владыка, правда, сначала не одобрил: мол, «нечего иконы обвешивать бирюльками», но Дмитрий его убедил.

– Вот как! И что, это приносит большой доход? – спросила Диана.

– Большой, не большой, а кое-какой приносит. – Женщина чуть поджала губы. – В наши безбожные времена любой доход в храме не лишний. Расходов много, а жертвователей мало...

Спускаясь с Акрополя по широкой мраморной лестнице Пропилей под палящим солнцем, Шекер ощущал нарастающее недовольство. Приближался вечер, а расследование так и не сдвинулось с мертвой точки.

– Ди, поезжай в Управление, отдай ноут Зестоса техникам, пусть постараются из него что-нибудь вытащить. С кем он переписывался, какие сайты посещал... И сама там побудь с ними, если что интересное узнаешь, сразу звони мне. Пока у нас ноль зацепок, мы начинаем буксовать, это скверно. Записную книжку Зестоса я заберу, вечером поизучаю. Поеду сейчас поговорю с Кустой, а потом нагряну к отцу Георгию. Стахий, видимо, останется на завтра.

Напарница прыгнула в машину и уехала. Шекер сел в свою и только завел мотор, как зазвонил мобильный. Хош глянул на экран: Феофила Лапарди! Придется ответить, иначе она не отстанет. Да и пора уже кинуть кость журналистам...

– Шекер, привет, дорогой! У тебя есть для меня новости?

– Привет, Филя. Новостей пока мало. Мы только на начальной стадии расследования.

– Но у вас уже есть подозреваемый? Мне нужно подготовить что-то для вечернего выпуска...

– Тебе всегда что-то нужно, даже когда ничего нет.

– Ну, Ше-екер!

– Ладно. – Он улыбнулся. – Скажи, что следствие идет полным ходом, что мы разрабатываем версии... В общем, обычное бла-бла, как ты умеешь. А в качестве подозреваемого, скажи, у нас сатанист.

Феофила подвисла на пару секунд.

– Ты шутишь?!

– Нисколько. По городу ходит страшный зловещий сатанист в черном плаще, колпаке и маске, вооруженный баллончиком с краской, кинжалом и пистолетом, расписывает храмы угрозами, режет голубей, распинает кошек и отстреливает священников. Того и гляди за монахов приметя. Или за христианских младенцев.

– Ты шутишь! – Лапарди расхохоталась.

– Не знаю. Митрополит Дионисий, по-моему, не шутил, когда впаривал мне эту версию. Так почему бы тебе не преподнести ее телезрителям?

– Мать святая церковь в опасности!

– Вот-вот.

– Да, кажется, у нас на канале такого давно не было.

– Вот и побалуй зрителей новеньким и страшненьким.

– Что-то уж слишком страшненько выходит.

– Тогда можешь не говорить про младенцев. Пусть будут только монахи. Авось меньше станут шататься по улицам.

Журналистка фыркнула.

– А что, храмы в самом деле расписывают угрозами? – спросила она. – Неужели кто-то напал с баллончиком на Парфенон?!

– Нет, хвала Аллаху. Но ты можешь прошвырнуться в Пирей. Митрополит сказал, что там разрисовали Свято-Никольский храм. Понятия не имею, когда это было, возможно, уже всё давно закрасили. Но если ты поговоришь с тамошними работниками, то наверняка узнаешь красочные подробности.

– Ясно, спасибо! Я узнаю.

– В общем, – заключил Шекер, – твое дело – пугать обывателей придуманными ужасами, а мое – избавлять от настоящих. Будем заниматься каждый своим.

***

Сверившись еще раз с досье и картой города, Шекер поменял планы и решил сначала наведаться к иеромонаху Георгию, а уж потом к Кусте: от нее было ближе добираться домой.

Тридцатипятилетний Георгий Мелас проживал не в монастыре, а в обычной квартире в четверти часа езды от Акрополя. Жилище было скромным – квартира-студия около двадцати квадратных метров, как прикинул Хош. Он решил нагрянуть без предупреждения, и хозяин растерялся и смутился при его появлении: диван был разобран, на полу валялись носки, на спинке стула висели брюки и рубашка, на тумбочке у дивана сохли в коробке остатки пиде, а сам иеромонах, со взъерошенными патлами, одетый в серые застиранные спортивные штаны и белую футболку, смотрел по телевизору передачу о животных «Земля живых».

– Извините, у меня неубрано, – пробормотал Мелас, ногой отбросив носки с дороги под стул.

Свернувшийся на другом стуле бело-серый кот возмущенно мявкнул, когда хозяин согнал его, чтобы предложить астиному сесть. Пока иеромонах делал бестолковые зигзагообразные перемещения по комнате в попытках привести ее в более презентабельный вид, Шекер огляделся. Главным достоянием Меласа были книги: стеллажи с ними занимали целую стену от пола до потолка. Небольшой компьютерный стол, шкаф, диван, уголок с иконами; вдоль кухонной стены – плита, раковина, стиральная машина, холодильник, перед ними – узкий стол-стойка с двумя высокими барными табуретами; за окном на балконе виднелся круглый столик и два кресла из пластика. В общем, всё, что нужно для скромной жизни. Махнув рукой на наведение порядка, хозяин, наконец, опустился на диван и, взяв пульт, выключил телевизор.

– Я приболел, – пояснил он, снял очки и положил возле коробки с пиде. – Как живот схватило в субботу... Никогда такого еще со мной не бывало.

– Купили пиде в непроверенном месте?

– Нет, я обычно покупаю пиде и питы в «Симпози» – прекрасное проверенное место. Не знаю, что я мог съесть... Ужинал я дома, а обедал в трапезной при храме, но уж там-то я вряд ли мог съесть что-то испорченное.

– А вы помните, что ели тогда?

– Вы, наверное, удивитесь, но нет. – Иеромонах обезоруживающе улыбнулся. – Я за едой всегда о чем-нибудь задумываюсь, так что часто и не замечаю, что ем. Особенно когда там, в Митрополии: что дадут, то и ем, что уж рот кривить. Да Бог с ним, уже всё прошло. Может, просто инфекция попала случайно, руки плохо помыл...

– Чем вы ужинали?

– Заказал питу по телефону. Я заказываю на ужин питу или пиде, или иногда корбочку с лапшой, знаете, с соусами всякими, по-итальянски или по-китайски. Чтобы самому не гото-

вить, я стряпать не люблю, а в «Симпосии» мне скидки хорошие делают как постоянному клиенту, с нынешнего года и доставка бесплатная стала.

– Вот как!

– Да, очень удобно! Как домой приеду, открываю их приложение, выбираю ужин, курьер через полчаса привозит, всё горячее, вкусное, сам бы я так ни в жизнь не приготовил!

– И какую питу вы в субботу заказали?

– С перцем и сыром. Только они перепутали, привезли с грибами и сыром. Но тоже вкусно было, так что я не в обиде.

– И часто они так путают?

– Вообще-то нет, со мной такое впервые. Я думал было сообщить им, но потом решил не жаловаться: все-таки это единичный случай, а вдруг у курьера из-за моей жалобы проблемы будут, он и так какой-то был напуганный в тот раз...

– Напуганный?

– Да, вот это, наверное, и было самое странное. Обычно заказ привозят в течение получаса, не больше, а тут курьер немного опоздал, минут на десять, и вид у него был... ошалелый какой-то. Я даже спросил, что случилось, но он сказал, что ничего, всё в порядке, извинился и убежал.

– Значит, вы съели эту питу с грибами... Во сколько это было?

– Ближе к десяти. Я домой вернулся около девяти.

– А когда почувствовали себя плохо?

– Не могу сказать точно. Может, через час... Живот заболел, стало тошнить, потом понос начался...

– А вам не пришло в голову, что причина может быть в съеденных грибах?

– В грибах? – удивился Мелас. – Вы хотите сказать, что в питу попали ядовитые грибы? Не могу в такое поверить! Я много раз брал в «Симпосии» еду с грибами и никогда ничего такого не случилось.

– Тем не менее симптомы отравления похожи на грибные.

Иеромонах растерянно помолчал и помотал головой:

– Нет, это невозможно. Если б я купил питу в какой-нибудь дыре... Но в «Симпосии»?! Немыслимо.

«Надо наведаться в „Симпосий“ и проверить этот случай». Шекер сделал пометку в блокноте и сказал:

– Не могли бы вы всё же дать мне номер этого перепутанного заказа, ведь у вас он сохранился в приложении «Симпосия»? Возможно, мне придется поговорить с курьером.

– Хотите проверить, правду ли я говорю? – Мелас усмехнулся. – Ну, пожалуйста... – Он взял свой ноофон и, потыкав пальцем в экран, продиктовал Хошу номер.

– Спасибо. Итак, с вечера субботы и до нынешнего часа вы были дома?

– Да, валялся в постели, лечился... Пиде вот сегодня заказал по телефону. Никуда не выходил.

– Вы видели отца Александра Зестоса накануне его гибели?

– Да... – Иеромонах потер руками лицо. – Ужасно! До сих пор не могу поверить, что его больше нет... Знать бы заранее, что... Хотя ведь мы и должны себя вести с каждым человеком так, как будто видим его в последний раз и можем умереть ближайшей ночью... или он может умереть. Только мы никогда об этом не помним, увы!

– Разве вы поссорились с отцом Александром?

– Нет, это я к тому, что поговорить бы, сказать что-то хорошее. А так вечно: здрасте, до свидания, и всё... Думаешь: еще уйма времени впереди, а потом раз – и нет человека... И кто мог его убить?!

– Мы это выясним. Так когда вы последний раз видели отца Александра?

– В субботу за вечерней службой.

– То есть вы до самого вечера были в храме?

– Да, я днем дежурил – знаете, молебны, панихиды, с людьми поговорить...

– Знаю, мне уже рассказали о ваших порядках.

– А вечером у нас была вечерня накануне воскресенья, и владыка служил, так что почти все клирики там были. Отец Александр пришел в храм к двум часам, они с отцом Кириллом по субботам исповедуют людей до вечера.

– И как отец Александр вам показался? В каком он был настроении?

– Да в обычном вроде бы... Ничего особенного я не заметил. Всё было как всегда. После вечерни мы простились до завтра. И вот надо же – последняя встреча была...

Отец Георгий снова провел ладонями по лицу. Шекер смотрел на него и думал, что на убийцу он совсем не похож, однако его внезапная болезнь выглядела подозрительно или, по крайней мере, странно. И машина «альфа-3»...

– Говорят, вы с отцом Александром в позапрошлом воскресенье повздорили.

Иеромонах удивленно приподнял брови, потом чуть нахмурился.

– Нет, мы не вздорили... Кто вам такое сказал?

– Не важно. Свидетель слышал, как вы резко разговаривали в ризнице накануне утренней службы.

Мелас немного подумал.

– Ах, это, – наконец, промолвил он. – Да это ерунда, недоразумение. Понимаете, в ризнице у каждого клирика свой шкаф, где облачения, богослужebные принадлежности и прочее. И вот, я в то утро пришел, а отец Александр уже там был, он вообще всегда раньше всех приходил. Он что-то искал в своем шкафу и спросил меня, не видел ли я его служebник и поручи от облачения. Я ответил: нет. Он проворчал, что куда-то они делись, не найти. А потом я сам стал облачаться и...

– Простите, поручи и служebник – это что?

Иеромонах улыбнулся.

– Поручи это что-то вроде съемных манжет на шнуровке, вот сюда на запястья надеваются поверх подрясника. А служebник – книжечка с последованием церковных служб. В общем, я открыл свой шкаф и там всё нашел – и служebник отца Александра, и поручи! Я сразу отдал ему, а он уже, видно, раздражен был, потому что проискал напрасно, и стал выговаривать мне: мол, зачем чужое брать? Я говорю: да не брал я ничего! Я, конечно, рассеянный, но не до такой степени, чтобы по чужим шкафам лазить вместо своего! Он говорит: «А как они к тебе попали тогда?» А я почему знаю?! Кто-нибудь убирался в ризнице и переложил, наверное...

– А раньше подобное бывало?

Мелас пожал плечами.

– Со мной нет, а с другими, может, и бывало, я без понятия.

– А кто убирается в ризнице?

– Мальчишки-алтарники. Ну, они могли перепутать шкафчики. Другое дело, что не время вроде было облачения перетряхивать, обычно этим у нас накануне памяти Дионисия Ареопагита занимаются и перед Пасхой... Да, странный случай, в самом деле. Я только сейчас об этом подумал, а тогда я просто удивился да и забыл. И отец Александр тоже забыл, конечно. Что это – повод для ссоры? Смех один.

– Скажите, у вас есть машина, и какой марки?

– Да, «альфа». А что?

– Формальная проверка. Она у вас где стоит?

– На парковке тут недалеко.

– Парковка подземная?

– Нет, наземная. На подземную у меня денег нет.

– Машину не могли угнать, пока вы тут болеете?

Иеромонах изумленно уставился на Хоша.

– Угнать?! С какой стати? Кому это старье нужно? Я ее купил подержанную, а предыдущий владелец гонял на ней, должно быть, по всей стране, пробег огромный. Потому он ее и продал задешево. Она еще ездит, но едва ли долго протянет. Я ее уже в ремонт отдавал три раза: то одно полетит, то другое. Думаю, вот, сдать под новый электромобиль, они вроде под нулевой кредит дают, если со сдачей старья.

Шекер кивнул. В прошлом году фирма «Тесла» развернула в Империи кампанию по замене всех легковушек электромобилями, обещая сдавшим обычную машину льготные условия на покупку новой. Весь город заполнили рекламные плакаты с лозунгом: «Сдай старье в утиль – бери электромобиль!» Афиняне поначалу отнеслись к этому с недоверием, однако за несколько месяцев, благодаря телеинтервью со счастливыми обладателями новеньких машин, кампания набрала хорошие обороты, а в городе массово начали строить электрозаправки, благо места они занимали совсем немного. Хош надеялся, что скоро смога в городе значительно поубавится.

– Ясно, – сказал он. – Кто-нибудь может подтвердить, что вы с вечера субботы и донныне безвыходно сидели дома?

– Нет... Я живу один. Гости не приходили. Да какие гости, когда я желудком маялся до вчерашнего вечера?

– А к врачу вы не обращались?

Отец Георгий поморщился.

– Не люблю по врачам ходить. Предпочитаю обходиться домашними средствами. Острый перец и узо – лучшая дезинфекция.

– Согласен. – Шекер улыбнулся. – Значит, никто вам не звонил, в интернет вы тоже не выходили?

– Мне звонили из Парфенона вчера днем, спрашивали, как здоровье. А больше никто не звонил. В интернет я вышел только вчера после двух часов дня. А так сначала, извините, блевал, а потом спал... Меня разве в чем-то подозревают?

– В настоящий момент у нас нет конкретного подозреваемого, поэтому подозреваем мы всех и устанавливаем, у кого есть алиби, а у кого нет. Это пока что формальные процедуры, волноваться рано, особенно если вы невиновны. Кто вам звонил из Парфенона?

– Отец Евфимий, приходской секретарь.

Хош уже задал несколько вопросов секретарю после того, как встретился с митрополитом, но этот крепко сбитый сорокалетний монах, стриженный под ёж и внешне напоминавший скорее клубного вышибалу, чем христианского аскета, ничего интересного не сообщил. Он сидел в приемной митрополитского дома, принимал звонки, составлял расписание служений для священников, занимался канцелярской работой и перепиской. Ни о каких конфликтах Зестоса с кем-либо из работников храма ему не было известно.

– А о том, что вы заболели, вы в субботу вечером кому-нибудь сообщили?

– Конечно! Я самому владыке позвонил, в митрополитский дом. Он там ночует обычно накануне утренней службы.

– Мне нужно взглянуть на вашу машину. Вы в состоянии сейчас проводить меня на парковку?

– Да, конечно.

Через несколько минут отец Георгий, причесанный и одетый в черные арапки и коричневую рубашку, вышел вместе с Хошем из квартиры. Но когда они уже спустились в лифте на первый этаж, оказалось, что иеромонах забыл дома очки. Пока он бегал за ними, Шекер вышел на улицу и закурил. Мелас в самом деле рассеян и совершенно не тянет на убийцу или

на сообщника оного. История с поручами Зестоса выглядит странно – пожалуй, даже смахивает на подставу: кто-то переложил поручи, спровоцировал ссору... Но зачем?

Мысли Хоша вернулись к Логофетису: не очень приятный господин, но у него алиби и нет никакой машины. Интересно, на чем он передвигается? Вряд ли такой тип жалуется общественный транспорт или велосипед. Берет такси? Надо бы у кого-нибудь спросить об этом. Может, Куста знает...

Шекер вдруг осознал, что как-то слишком многого ждет от разговора с этой духовной дочерью убитого священника, а в реальности она, скорее всего, не сообщит ничего особо ценного... И тогда день окончится с нулевым результатом в расследовании. Разве что в ноутбуке Зестоса обнаружится что-нибудь полезное. А если завтра и отец Стахий не сообщит ничего важного, то куда, шайтан их всех заberi, двигаться дальше?!

Из парадной вышел отец Георгий, и Хош швырнул окурок в урну. С аккуратной волнистой бородой, умными темными глазами на продолговатом лице и высоким лбом, иеромонах выглядел благолепно даже в светской одежде.

– Почему вы не живете в монастыре? – полюбопытствовал Шекер.

– Не прижился. Слишком люблю читать, и не только духовные книжки. Да и кинофильмами не брезгую, и вообще современной культурой. А в монастырях, даже в самых передовых, но таких немного, фактически треть суток отнимает богослужение, треть – сон и еда и треть – послушания. И еще повезет, если послушание соответствует твоим способностям и склонностям. В монастырях, где мне пришлось жить, я в одном готовкой на кухне занимался, в другом крапиву в огороде полыл, в третьем... А! – Он махнул рукой. – Не важно. В общем, занимался я совсем не книжечеством и не за компом сидел.

– Но ведь это, как будто, и нормально для монастыря – такая жизнь? Если она не по вам, зачем вы стали монахом?

– Дурак был. – Мелас усмехнулся. – В девятнадцать лет загорелся послужить Богу, а у молодых знаете, как: если в море, то в Марианскую впадину, если в горы, то на Джомолунгму. Максимализм... Хорошо еще, что институт закончил, не бросил. Но как диплом выдали, сразу в монастырь пошел. Три года подвизался, как положено, и всё мне было в услужение – тогда мне ни книги были не нужны, ни культура, ни кино... Только богослужение, отсечение воли, воздержание... В общем, всё по учению святых отцов! Потом меня постригли, я еще два года подвизался, даже пуще прежнего. А потом пришло отречение.

– Каким же образом?

Иеромонах поморщился, словно нюхнул тухлятину.

– Неприятная история. Не хочу об этом рассказывать, осуждение одно. В общем, я ушел в другой монастырь, там прожил год, не прижился, перешел в третий... Но после того, что случилось в первом монастыре, у меня с глаз, что называется, пелена спала, потерял розовые очки, стал замечать многое из того, чего раньше не видел или, если и видел, старался объяснить благочестиво... Короче говоря, пять лет я прошатался по разным обителям и нигде не мог себе места найти. В последней игумен сказал, что с моими запросами и «мятежным» характером лучше на приходе служить где-нибудь. А тут как раз в Парфеноне священник старенький умер, вакансия образовалась. Ну, игумен мне и составил протекцию. Я, правда, когда пришел на собеседование с владыкой, не надеялся, что меня возьмут. Зашел сначала в храм и помолился Богородице, сказал: если и здесь меня не примут, сниму монашество и уйду в мир!

– Шантажировали высшие силы, значит?

– Ну, можно и так сказать. – Мелас засмеялся. – Но ведь сработало! Митрополит согласился меня взять, рукоположил в дьякона, а через неделю в священника. Вот с тех пор я в Парфеноне и служу. Отец Кирилл помог мне эту квартиру снять, недорого, как раз по моей зарплате. Ну, я еще программированием немного подрабатываю, я ведь Политехнический окончил. Так и живу.

Они обошли дом и оказались на парковке рядом с небольшим сквером, где бродил плюгавенький мужичок с унылой таксой на поводке. Собака внимательно обнюхивала почти каждое дерево, хозяин машинально следовал за ней, уткнувшись в ноофон. Чуть дальше на спортивной площадке мальчишки играли в футбол, издавая дикие вопли. Отец Георгий подвел Хоша к черной, давно немойтой, выдавшей вида «альфе» и сделал приглашающий жест рукой. Шекер обошел машину, заглянул внутрь и поднял взгляд на хозяина.

– Господин Мелас, мне необходимо осмотреть вашу машину. Формально есть два пути: либо вы требуете ордер на обыск, тогда мне нужно ехать в астиномию и потом снова возвращаться к вам; либо мы всё закончим прямо сейчас, но для этого нужно ваше письменное согласие на осмотр транспортного средства. Бланк у меня с собой.

– А... зачем это? – Иеромонах чуть нахмурился.

– Видите ли, только что выяснилось, что в убийстве замешана машина, причем именно этой марки. Как вы понимаете, прежде всего мы проверяем круг ближайших знакомых и сослуживцев отца Александра. Так что в ваших собственных интересах согласиться на осмотр. Чем быстрее вы окажетесь вне подозрений, тем лучше: тогда в дальнейшем мы не будем вас беспокоить.

Отец Георгий пожал плечами.

– Ну, пожалуйста, осматривайте, я не против. Скрывать мне нечего... Что я должен написать?

Хош достал из сумки бланк, заполнил его на автомобиль Меласа, указав имя владельца, марку, цвет и номер. Иеромонах размашистым почерком написал в соответствующей графе: «Осмотр разрешаю», – и расписался, после чего, порывшись в карманах, извлек ключи и открыл машину. Шекер надел перчатки и принялся за дело. Беглый осмотр салона, однако, не дал ничего, а Мелас на вопрос, не замечает ли он чего-то необычного, сказал, что всё на месте и как всегда. Впрочем, это ни о чем не говорило, учитывая его рассеянность. Единственной надеждой оставался потертый черный чехол на заднем сиденье. На просьбу Хоша о его временном изъятии отец Георгий ответил согласием и расписался в соответствующей бумаге. Шекер аккуратно свернул снятый чехол и засунул в большой пакет для вещественных доказательств.

– Как только мы проведем экспертизу, сразу вернем вам это.

Иеромонах лишь рассеянно кивнул. Простившись с Меласом, комит быстрым шагом добрался до своей машины и отправился к госпоже Кусте, предварительно позвонив и убедившись, что она дома.

***

Хошу пришлось сделать небольшой крюк, чтобы завезти на экспертизу чехол из Меласовской «альфы», но до Таис Кусты в любом случае не получилось бы добраться быстро в вечернее время, когда город норовил превратиться в одну большую пробку. Куста жила в начале Академического проспекта в пятиэтажном доме постройки начала прошлого века. Дом недавно пережил капитальный ремонт с реставрацией и смотрелся прекрасно, как и соседние здания. Купить здесь квартиру могли позволить себе только состоятельные люди. Внутри Шекера принял новенький сияющий лифт с зеркалами на всех стенках и рекламой строительной компании, сделавшей ремонт: «„Амалфея“ заботится о вас!» Квартира Кусты находилась на четвертом этаже. Проведя астинома в комнату – одну из двух, как отметил Хош, – хозяйка предложила ему сесть на диван и спросила:

– Хотите кофе? Из кофемашины.

– Спасибо, не откажусь. Пожалуйста, черный, сахара один кусочек.

– Хорошо, сейчас.

Шекер обычно не отказывался, когда предлагали кофе или чай, чтобы в отсутствие хозяев без помех осмотреться. Куста вышла, и он оглядел комнату. Стены цвета белой шерсти с напыленными ярко-желтыми крапинками, светло-желтая потолочная плитка с концентрическими узорами. Вся мебель из светлого дерева – компьютерный стол, кресло, стеллажи с книгами. Диван с яркими узорчатыми подушками. Неожиданно – люстра в виде модели солнечной системы: разноцветные лампы-планеты на золотистых орбитах вокруг центрального светильника-солнца. Ощущение пространства и света. Жизнерадостная комната. Компьютер из современных: миниатюрный блок, большой плоский экран, маленькие музыкальные колонки. Бумаги, книги, какие-то распечатки. Несколько кактусов на подоконнике, один цветущий. Рядом с монитором деревянная статуэтка совы – куда ж без нее в Афинах! Шекер перевел глаза на книжные стеллажи, пытаясь издали определить их содержимое: не все заглавия читались с его места, но в целом было ясно, что большинство книг относится к разряду научных и философских, пару полок занимала художественная литература, на одной блестяли золотыми корешками церковные издания – на круг чтения глубоко религиозного человека, работающего при храме, это не походило.

В комнату вошла небольшая трехцветная кошка, села чуть поодаль и уставилась на астинома круглыми зеленовато-желтыми глазами, любопытно наострив уши. Шекер подмигнул ей. Кошка немедленно сделала вид, что ей неинтересно, и вышла, гордо задрвав полосатый хвост.

Куста вернулась с маленьким круглым столиком на колесиках, где стояла чашечка с кофе и вазочка с сухофруктами, и, установив угощение перед Хошем, опустилась в компьютерное кресло напротив. Не красавица, но очень даже симпатичная. Среднего роста, изящная, с маленькими руками и ступнями. Вьющиеся русые волосы с легкой рыжинкой, подстриженные каскадом, спускались до плеч. Из-под челки на Шекера выжидательно глядели печальные светло-карие глаза.

– Благодарю, – сказал комит и пригубил кофе. – Итак, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Как мне сказали в Парфеноне, вы были одной из духовных дочерей покойного отца Александра, и даже самой преданной.

По губам девушки промелькнула тень улыбки.

– Наверное, можно и так сказать. Но вообще-то у отца Александра было мало духовных детей.

– Почему?

– Он... очень серьезно к этому относился. Как к большой ответственности перед Богом. Когда я попросила его быть моим духовным отцом, он сказал: «А получится у нас с тобой? Знаешь ведь, как бывает: духовник одно говорит, а ты другое, – так пользы никакой не будет». Назначил мне испытательный срок три месяца: «Вдруг мы друг другу не понравимся?» Так-то он исповедовал всех, кто приходил к нему, но это не то, что духовное руководство, под руководство он мало кого брал.

– Вы меня извините, я в этом деле профан: значит, исповедь от духовного руководства чем-то отличается?

– Конечно! – Теперь Таис уже по-настоящему улыбнулась. – На исповедь вы просто приходите, называете грехи и, может, иногда что-то спрашиваете такое, не особенно важное... Или пускай даже важное, но вы не обязаны непременно следовать совету, который даст священник. А руководство – это когда вы спрашиваете уже всерьез, как в целом жить, на что ориентироваться, что делать в разных ситуациях и так далее. Для этого надо доверять священнику и рассказать ему о своей жизни больше, чем просто перечень грехов на исповеди. И если духовник говорит что-то, то надо так и поступать, даже если вы сами считаете иначе. Правда, есть любители вообще всё до мелочей выпрашивать и на каждый чих просить благословения, но отец Александр такого не терпел, говорил: «Я тебе свою голову не могу приставить, сам

думай, Евангелие читай!» Он только общее направление задавал, и еще если какие-то сложные ситуации...

– Он был хорошим руководителем?

– Да. Очень!

– А каким он был человеком? Как жил, чем занимался? Какие у него интересы были?

– Он был очень добрым и смиренным. Ни перед кем не превозносился, не смотрел и не поучал свысока, как бывает... у некоторых священников. Отец Александр вообще не любил выставлять себя перед людьми, проповедовал редко и кратко... Ну, он долго и не мог говорить – заикался.

– Заикался? – удивился Шекер такой подробности.

– Да, совсем чуть-чуть, в обычном разговоре это было почти незаметно. Но говорить долго и складно с амвона это мешало. А так он всегда был готов человеку помочь. Мне кажется... что он больше любил общаться с простыми людьми. В смысле – не заумными. То есть он не осуждал ученость, вовсе нет, он сам был образованным и начитанным, хотя этого обычно не показывал. Но он не любил, когда люди слишком умничают. Часто повторял притказку: «Где просто, там ангелов со сто!» Или вот, бывает, ему начнешь жаловаться, что всякие мысли донимают, а он говорит: «У тебя просто слишком много свободного времени!»

– Мудро!

– Да. Моей философию он не понимал, что я в ней нашла. – Таис грустно улыбнулась. – Я ведь философский окончила...

– Знаю. Читал ваше досье.

– У меня есть досье? – Она с любопытством поглядела на астинома.

– На каждого гражданина Империи оно есть. Но на граждан, не замешанных ни в чем великом или преступном, оно короткое: родственники, образование, семейное положение, место работы, место жительства. Так что не волнуйтесь, ничего криминального я в вашем досье не нашел. А скажите, как отец Александр участвовал в жизни Парфенона? Помимо служб, я имею в виду. У вас ведь очень бойкое место, постоянный поток людей, посетители, экскурсии, реставраторы, телепередачи, митрополичья вотчина...

– Да, но отец Александр не любил всю эту публичность. Он был очень скромным. Служить любил больше по будням, а по праздникам и воскресеньям у нас всегда много священников, так что его было не заметно, один из рядовых клириков... В общем, он ни во что не вмешивался. Жил только церковью.

– Вы не знаете, были ли у него конфликты с кем-то из священников или других работников Парфенона?

– Нет. То есть лично я ни о чем таком не знаю и не слышала. К нему все хорошо относились.

– То есть никто из сослуживцев по Парфенону убить отца Александра не мог?

– Конечно, нет! – Таис явно была потрясена таким предположением. – Из-за чего одному священнику убивать другого?!

– Ну, мало ли. Может, кто-то хотел занять его место в качестве духовника. Ведь теперь оно свободно, не так ли?

– Ой, нет, что вы! Это всё не так устроено. Никто из нынешних клириков Парфенона не может стать духовником, они по возрасту не подходят. Теперь владыке придется переводить на это место подходящего священника откуда-нибудь еще... Духовнику, если по правилам, должно быть не меньше пятидесяти лет. Правда, на обычных приходах это часто нарушают от безвыходности, ставят и моложе, но у нас в Парфеноне всё должно быть образцово. Владыка ведь к себе кого угодно легко может перевести или из монастыря взять подходящего человека и рукоположить. Да и что за удовольствие еженедельно выслушивать наши глупые грехи? – Таис фыркнула. – Не представляю, кто мог бы ради этого пойти на преступление.

– Выслушивать грехи, может, и нет удовольствия, а вот руководить, давать советы... Вы сами говорите, что отец Александр относился к этому делу серьезно и имел мало духовных детей, а вот придет другой священник, более падкий до власти над чужими душами, захочет, наоборот, иметь побольше... окормляющихся или как это у вас называется. Вы, кстати, помните, наверное, историю с отцом Андреем Лежневым пять лет назад? Вот у кого была духовная власть! И, насколько я могу судить, он ею просто упивался. Между прочим, ваш митрополит о нем в свое время отзывался неплохо, хотя Лежнев создал настоящую секту. Может, владыка Дионисий не прочь обеспечить свой храм именно такими духовниками?

– Вы строите такие ужасные предположения, – пробормотала Куста. – Мне ничего подобного и в голову не приходило... По крайней мере, я не замечала, чтобы владыка плохо относился к отцу Александру.

Высказанные предположения казались абсурдными и самому Хошу, но он нарочно сохранял серьезную мину: пусть Куста задумается, так ли хороши внутрприходские отношения в Парфеноне, – может, и вспомнит что-нибудь полезное.

– А что вы думаете о Димитрии Логофетисе?

Таис поджала губы.

– Мерзкий двуличный тип.

– В самом деле? А остальные в Парфеноне отзываются о нем хорошо.

– Да, он почти всех... очаровал. А кого не смог, тех выжил. И меня бы выжил, если б не отец Александр.

– Вот это интересно. Не могли бы вы рассказать поподробнее?

Таис вздохнула и, поразмыслив несколько секунд, начала рассказ.

– Димитрий появился у нас почти три года назад, осенью две тысячи десятого. Я тогда еще в храме не работала, поэтому подробностей не знаю, только помню, что на Крестовоздвижение он уже прислуживал владыке как иподиакон. Он до Афин жил в Константинополе и там был при митрополите Кирике. Может быть, по протекции Кирика он у нас так быстро и прижился... Впрочем, не знаю. В общем, сначала Логофетис просто прислуживал по воскресеньям и праздникам и вел себя скромно, ни во что не вмешивался. Но я замечала, как он то с одним священником разговаривает после службы, то с другим, то со свечницей любезничает... Он, знаете, умеет быть очень вежливым и вкрадчивым, комплименты говорить, расположить к себе... Правда, со стороны это всё кажется искусственным, ненатуральным. Всегда меня удивляло, почему люди на это ведутся, причем вроде бы неглупые, а не только тетушки какие-нибудь... В общем, к ноябрю он уже начал обедать вместе с владыкой в митрополичьем доме, это я от нашей свечницы Марии узнала, я с ней в то время иногда общалась после службы. Причем она была в восторге: мол, какой талантливый и умный молодой человек, как они с владыкой умно о богословии рассуждают и о церковных делах... И, представляете, уже в декабре владыка назначил его казначеем, а Галину, прежнюю казначейшу, уволил, причем без всяких объяснений! Наши свечницы сначала недоумевали, что случилось, а потом Логофетис распустил слух, будто Галина деньги воровала. То есть это мне так Мария объяснила: мол, Димитрий стал проверять документацию после Галины и нашел какие-то «злоупотребления». Только я думаю, что это вранье. Мне отец Александр позже сказал, когда я с ним однажды говорила про Димитрия, что Галина никогда бы ни лепты не присвоила из церковных денег, а Логофетис просто продал митрополита. Крутился возле него и убеждал, что надо казначею сменить, что у него есть хорошие планы, как поднять доход храма, и всё такое. Ну, и убедил в конце концов.

– Но ведь отец Александр, насколько я знаю, только сначала был недоволен назначением Логофетиса казначеем, а потом понял, что это был удачный ход?

– Это вам кто-то из священников сказал? – Таис усмехнулась. – Как сказать – «понял»... Если митрополит за Логофетиса горой и во всем его защищает, какой Димитрий хороший и полезный, то пришлось бы с владыкой конфликтовать, тем более, что с финансовыми

делами Логофетис справляется нормально. По крайней мере, никто не считает, что стало хуже. А Галине формально уже было пора на пенсию...

– Значит, отец Александр не поверил, что Галина воровала деньги, и думал, что Димитрий ее оклеветал? Но при этом за нее не вступился?

– Понимаете, он не мог за нее вступиться, он же сам не видел этих финансовых отчетов, и доказать, что она честная, а Логофетис врет, не сумел бы. А митрополит уже так был Димитрием очарован, что вряд ли стал бы какие-то разбирательства устраивать.

– Но ведь отец Александр мог поговорить с митрополитом на эту тему и неофициально.

– Мог, но... Понимаете, владыка – человек довольно закрытый, не особенно... компанейский. У нас многие священники, хоть уже по несколько лет служат, до сих пор общаются с ним не так, чтобы свободно, то есть дистанция чувствуется. Он не со всеми общается душевно, только с некоторыми... Больше всего, наверное, с отцом Кириллом. Отца Александра владыка уважал, но близко-дружеских отношений у них не было, насколько я знаю. Но это, может, еще и потому, что сам отец Александр не старался стать приближенным к владыке. А Галине отец Александр помог.

– Каким образом?

– Помог устроиться работать в другой храм, рекомендацию хорошую дал. У него ведь много знакомых священников.

– Ясно. А кого еще Логофетис выжил, как вы говорите?

– Одного алтарника. Был у нас алтарник Тимофей, очень старательный, благоговейный такой, мне нравилось, как он на службах себя держит, он свечу носил, кадило подавал... А потом он вдруг пропал, где-то весной прошлого года. То есть я в Великий пост его уже ни на одной службе не видела. А потом случайно встретила его у Акрополя накануне Пасхи, спросила, куда же он исчез, а он и рассказал, что не ужился с Логофетисом, потому что тот слишком уж стал всеми помыкать – алтарниками, иподьяконами, свечницами... Главное, он при этом постоянно повторяет: «Я ничего не делаю без благословения владыки Дионисия. Вы что, не доверяете владыке?»

– Это правда?

– И да, и нет. Мне кажется, владыка просто дал ему зеленый свет на занятие приходским благоустройством в целом, а Логофетис и давай командовать, как будто он над всеми начальник...

– Но говорят, у него неплохо получается. Доход растет. Разве нет?

– Да, растет... Хотя я не уверена, стоит ли его наращивать такими методами. Но раз большинство считает, что это нормально... Мне, знаете ли, не хочется с ними конфликтовать, всё равно меня одну там никто не послушает, я там работаю не так давно и... в общем, своей так и не стала. К тому же я теперь всё равно уволюсь. Собственно, я и собиралась работать там только до конца этого года.

– Хорошо, а как вы устроились туда? Вы сказали, вам отец Александр помог?

– Да, я... в силу некоторых обстоятельств решила на время сменить род деятельности. Раньше я преподавала философию и... в общем, захотела отдохнуть от этого. Спросила отца Александра, нельзя ли мне немного при церкви поработать, вот он меня и устроил. Но Логофетис, как я поняла, был этим недоволен.

– Почему?

– Не знаю. Может, не хотел лишних денег на зарплату выделять. А может, я ему просто не понравилась. Я ведь не купилась на его обаяние.

«Да, психопаты такого не любят», – подумал Хош. Судя по узанному о молодом казначее, ряд признаков указывал на то, что парень вполне может относиться к данному неприятному психотипу. Но, хотя психопаты нередко оказывались замешанными в уголовщине, участие Логофетиса в убийстве Зестоса всё же казалось Шекеру сомнительным. Зато он держал бы

пари, что проверка финансовой отчетности Парфенона выявит, что казначей изрядно подмаживает в свою пользу. С другой стороны, не мог ли Зестос, например, случайно открыть, что Логофетис ввязался в какую-нибудь аферу, и попытаться помешать?.. Впрочем, пока ничто на это не указывало. «Подождем, что вытащат из ноута Зестоса, и результата экспертизы чехла из „альфы“», – решил Шекер.

– А почему вы захотели именно при церкви работать, уйдя из Академии? Есть много других возможностей сменить род деятельности. Для человека науки, как вы, странно идти работать в такое место.

Таис усмехнулась.

– У меня, можно сказать, непростые отношения с религией. Теоретически, с богословской и с мистической стороны в православии много привлекательного... как и вообще в образе Христа. Но на деле все эти правила христианской жизни, аскетика, молитвенные и другие практики, поучение отцов церкви – не могу сказать, что мне всё это так уж нравится и близко. Я еще со школы начала в церковь заходить, читать христианскую литературу и с тех пор всё пытаюсь понять эту систему... Наверное, работа при храме была последней попыткой окунуться в эту среду и как-то прижиться в ней.

– И каков итог?

– Отрицательный.

– То есть вы намерены уйти не только с работы в храме, но и из церкви вообще?

– Нет, зачем же так радикально? Просто буду жить более отстраненно... Как, собственно большинство верующих сейчас и живет. По крайней мере, я точно больше не стану искать духовного руководства, часто ходить на службы и каждую неделю причащаться. Мне теперь кажется... то есть мне и раньше казалось, что отношения с Богом не зависят от обрядовой стороны религии, от таинств, постов, богослужений и прочего в таком роде, но это было, можно сказать, только теоретическое предположение. А теперь, когда я окунулась в эту жизнь наравне с очень церковными людьми, мои мысли подтвердились на практике: особой духовности и новых измерений в жизни мне это не прибавило. Честно сказать, когда я читала разных философов, у меня и то чаще бывало ощущение, что я прикасаюсь к чему-то мистическому и божественному, чем когда я читала строго православных авторов. За исключением, может быть, Ареопагита и еще некоторых... Верующие часто утверждают и священники проповедуют, что церковная жизнь дает человеку много всего такого, что неведомо нерелигиозным людям, радикально меняет всё в тебе и вокруг, открывает новые измерения реальности и так далее... Но мне всё чаще кажется, что большинство из них или притворяются, или живут в какой-то иллюзии. Людей, по-настоящему живущих в духовном измерении, мало. Вот отец Александр был таким, но он-то как раз о духовности не любил рассуждать. Вообще, иногда думается, что те, кто любят поговорить о духовном, на самом деле и не знают, что это такое. Как сказал один философ, «говорящий не знает, знающий не говорит». Впрочем, извините, – спохватилась девушка, – я, кажется, увлеклась, а всё это едва ли имеет отношение к тому, что вас интересует.

– Напротив, меня сейчас как раз интересует, что из себя представляют верующие, окружавшие отца Александра. И насчет связи духовности с религиозной практикой я с вами согласен. Мне приходилось по долгу службы сталкиваться с активными в церковном смысле верующими – не сказал бы, что они являют собой образец духовной высоты. Часто даже наоборот.

– Вот в том и дело. – Таис вздохнула. – Из всех церковных людей, кого я знаю, лучшим был отец Александр. Я ему иногда завидовала, что он может, будучи образованным и начитанным, верить в простоте и не задаваться всякими... неудобными вопросами. У меня так никогда не получалось. Но такие люди как он – редкость.

– Как вы думаете, кто и почему мог его убить?

Куста покачала головой.

– Не знаю. Он был таким светлым человеком! Таким... Я не представляю, у кого... как могла подняться рука... убить его. – Ее губы задрожали, и девушка умолкла.

Хош опрокинул в себя остатки кофе. Вот что он ненавидел в своей работе – разговоры с родными и близкими убитых. Ощущение собственного бессилия. Ведь даже если убийца будет найден и наказан, убитого не вернешь. И нечем утешить, кроме банальных слов сочувствия, которые казались ужасно фальшивыми. Не фальшивым было только одно:

– Мы обязательно найдем убийцу.

Таис только кивнула. Она, впрочем, быстро справилась с собой, как отметил Шекер. Помолчав, девушка поглядела куда-то вдаль и сказала:

– Есть мнение, что пороки и преступления это попытка «зайти по другую сторону красоты». Красота самодостаточна. Человек смотрит на прекрасное и не понимает, что с ним делать. Ему хочется понять тайну красоты, но она не дается ему. И тогда он пытается ее съесть, как Ева запретный плод. Съесть, разрушить.

– Как ребенок разбирает и ломает красивую игрушку, чтобы посмотреть, как она сделана?

– Да, как-то так. А на самом деле красотой просто надо уметь любоваться, не пытаться ее съесть.

– Вы хотите сказать, что отца Александра могли убить из желания уничтожить прекрасного человека? Мне с трудом верится в это.

– Нет, я... Вдруг пришла такая мысль... философская. Наверняка были другие причины. Но я их не знаю. У меня даже идей никаких нет на этот счет.

Шекер задумчиво поглядел в окно.

– Ваша теория насчет красоты интересна, – промолвил он, – и, возможно, даже объясняет отдельные преступления, особенно с признаками мании и на сексуальной почве. Но, я вас уверяю, многие люди воруют и убивают лишь для того, чтобы жить получше и покрасивее. И ради того, чтобы окружить себя богатством, красотой и комфортом, они не стесняются обезобразивать чужие жизни, причинять боль. Не знаю, как там это объясняет ваша философия... да и знать не хочу. Мое дело – ловить и сажать преступников. И лучше бы им о вашей философии не знать – меньше голову будут мне морочить на допросах.

– Вы не романтичны.

– Моя профессия не располагает к романтике.

Выйдя на улицу, он выкурил сигарету. Сел в машину, посмотрел перед собой невидящим взглядом.

«Он ни во что не вмешивался. Жил только церковью».

Жил только церковью. Если Зестоса убили потому, что он что-то узнал, то эти сведения, очень вероятно, могли относиться именно к церкви. И если убийцы не остановились перед таким преступлением, значит, их делишкам действительно что-то сильно угрожало.

«Пусть меня заберет христианский черт, – подумал Шекер, – но я загляну под каждый камень Парфенона, чтобы узнать, что эти служители христианского Бога хотели скрыть!»

Таис Афинская

Афинянке с таким именем, как у нее, полагалось бы стать возлюбленной какого-нибудь великого героя. Но в наши дни мир завоевывают, как однажды выразился император, не силой, а умом, так что великими оказываются не полководцы, а ученые – и, в полном согласии с изменившейся реальностью, Таис Куста влюбилась в героя нашего времени, всё как положено: известный ученый, глава Афинской Академии, да еще и знаменитый писатель, красавец, обладатель научных званий и наград, богатый и из древнего рода... Впрочем, она знала его еще в те времена, когда он не был ни знаменитым, ни богатым. Но умным и красивым он был всегда. Невероятно, восхитительно красивым. А еще остроумным и веселым. Впервые она увидела Феодора, когда он пришел на день рождения к Василию. Таис было всего шесть лет – она была поздним, но от этого еще более любимым ребенком, – а друзья учились на первом курсе Академии. В последующие годы темноволосый красавец с чудесной улыбкой нередко появлялся у них дома и иногда приносил ей подарки: конфеты или шоколад, позже книги. После того как Василий женился и обзавелся собственной квартирой, Таис стала видеться с Феодором гораздо реже, но получала от него через брата приветы и книжки, а однажды – ей тогда исполнилось шестнадцать, Киннам был уже четыре года как женат – он при встрече вручил ей красивый стеклянный браслет ручной работы, привезенный из Венеции. Он овдовел, когда Таис было восемнадцать. Она не помнила, когда именно влюбилась. Казалось, она любила его всегда. А он всегда видел в ней только сестру лучшего друга.

Она мечтала, что когда-нибудь, когда он придет в себя после смерти жены, может быть, появится шанс... Но в то же время чувствовала, что в нем, глубоко внутри, что-то закрылось. Он превратился во взрослого мужчину, еще поумнел и похорошел, однако женщины стали для него всего лишь развлечением. А потом его избрали ректором, и всё прекратилось. Таис к этому времени уже окончила Академию и работала над диссертацией. В следующем году она защитилась, потом начала преподавать, еще через два года переселилась от родителей в собственную квартиру. С Феодором они стали коллегами, встречались на академических мероприятиях, на днях рождения Василия... и только. Таис, пожалуй, чаще видела ректора в новостях и в интернете, чем вживую.

К этому времени она уже смирилась с тем, что ее любовь безнадежна. О нет, она не собиралась становиться вечной страдальницей и весталкой своего чувства. Она пыталась жить, как все. Рассталась с девственностью еще во время учебы в Академии, с помощью сокурсника, а потом, рассорившись с ним, попробовала завести другой роман. Но приобретенный опыт не принес ничего, кроме разочарования. Не то чтобы эти молодые люди и другие пытавшиеся ухаживать за ней были глупыми, несимпатичными и скучными, но они не были даже близко Феодором Киннамом. И, наконец, Таис решила, что судьба не благоволит ей в личной жизни и ее удел – научная карьера. К счастью, такая позиция в наши дни уже не вызывала недоумения и лишних вопросов: Афины даже лидировали среди всех городов Империи по количеству женщин, не связанных брачными узами и бездетных, предпочетших посвятить себя работе или творчеству. Внешне Таис успешно вписалась в их ряды, а внутренние покои души ничто не обязывало распахивать перед каждым встречным.

В церковь Таис заходила еще будучи школьницей, с тех пор как узнала, что там бывает Феодор. Она постаралась ненавязчиво узнать, в какой храм он ходит и как часто, и тоже стала приходить туда. Иногда ей удавалось посмотреть на Киннама издали, а изредка она здоровалась с ним: какая удивительная встреча, ты тоже здесь на службе, как поживаешь... Собственно, ради этого она и посещала церковь. Впрочем, как человек любознательный, она постаралась узнать основное о православии и христианской жизни, порой читала и святоотеческие книги, тем более, что брат Василий, сам будучи человеком нецерковным, изучал богословские сочине-

ния святых отцов в рамках византийской философии. Кое-что ей нравилось, но до поры только интеллектуально, в церковных таинствах она не участвовала. Однако Феодор бросил ходить в церковь вскоре после свадьбы, и это было непонятно, ведь его жена продолжала молиться и причащаться. Таис лишь на первом курсе, примерно за год до смерти Елены Киннам, поняла, насколько не сложилась у Феодора семейная жизнь. Но причин этого она так и не узнала – впрочем, о них никто толком не знал, а Василий, если и знал, ничего не рассказал бы. Смерть жены заметно ударила по Киннаму, и Таис стала часто захаживать в академический храм в честь Дионисия Ареопагита – молиться за Феодора, а заодно лелеять собственные надежды. Киннам оправился за несколько месяцев, а потом у него опять появились женщины. Надежды Таис снова пошли прахом, и тогда она впервые решила пойти на исповедь – в Парфенон. И попала к отцу Александру. Когда она рассказала о своих мытарствах на поприще личной жизни, он чуть помолчал и сказал:

– Ни на одном мужике свет клином не сошелся, Таис.

– А сошелся только на Боге, – пробормотала она полувопросительно, полуиронично.

– И на Боге тоже не сошелся. У света нет клиньев, Таис. Из каждой точки вселенной одинаково далеко как до Бога, так и до человеческого счастья. И одинаково близко.

Она взглянула удивленно: не ожидала от священника, тем более такого вроде бы простого с виду, подобного философского высказывания.

– Видишь ли, какое дело, – продолжал он, улыбнувшись в бороду, и его обращение на «ты» прозвучало очень естественно и ничуть не казалось невежливым, – мы живем только здесь и сейчас. Либо живем здесь и сейчас с Богом и счастливы тоже здесь и сейчас тем, что имеем. Либо мы живем химерами или мечтами, планами на будущее или страхами перед ним, плохими или хорошими воспоминаниями о прошлом, а того, что вокруг нас, не замечаем и не ценим. Трудно быть счастливым в таких условиях и трудно заметить присутствие Божие в своей жизни. Подумай об этом! А еще лучше попробуй хотя бы в течение недели каждый день размышлять о жизни и находить десять вещей, за которые ты благодарна Богу. Только непременно десять, не меньше, даже если тебе кажется, что их только три или пять.

Совет оказался на удивление хорош и немало помог Таис в обретении душевного равновесия. Но ничто, увы, не могло помочь оставить в прошлом любовь к Феодору: по-прежнему, когда она видела его, сердце пускалось в пляс. Еще хуже было то, что теперь она догадывалась: Киннам *знает*. Хотя он никогда не давал ей этого понять и по-прежнему был по-дружески мил. Особенно же несносны были разговоры знакомых женщин:

– Боже, Таис, ты с ним знакома?!

– С детства.

– О-о, счастливица!

Ну, что на это можно было ответить?! Ведь именно знакомство с Феодором с детства стало главной причиной ее несчастья – и того, что она влюбилась, и того, что он, в сущности, всегда видел в ней только маленькую девочку...

Она продолжала ходить в Парфенон, исповедалась у отца Александра раз в несколько месяцев, причащалась по большим праздникам. Киннам начал писать романы, Таис читала их, перечитывала, понимала, что Феодор, несмотря на свои мимолетные связи с женщинами, знает, что такое настоящая любовь, тосковала и ходила в храм всё чаще. Начала даже соблюдать все посты, но спустя два года остановилась лишь на Великом и с тех пор к православной аскезе не особо прилежала: читала по несколько молитв утром и вечером, ходила в церковь по воскресеньям к утрени с литургией, иногда открывала дома Евангелие – и, в сущности, это было всё. Научная жизнь шла своим чередом, и в какой-то момент Таис показалось, что ее любовь тихо умерла от недостатка пищи, а она сама нашла свое место в жизни, пусть и без мужчины рядом, и в общем-то счастлива...

Но тут Феодор объявил о своей помолвке с Афинаидой Стефанити. Таис видела девушку на дне рождения ректора, когда та сидела почти рядом с Киннамом, но не придавала этому значения, решив, что она – аспирантка Марго. А спустя год сотрудники Академии и друзья великого ритора получили приглашение на свадьбу. Таис не могла не сравнивать себя с Афинаидой и видела, что вряд ли сильно проигрывает ей, разве что внешне, и то ненамного. Тем не менее, любовь героя досталась госпоже Стефанити, а госпожа Куста оказалась не у дел. Это произвело на Таис впечатление столь тягостное, что она подала заявление об уходе из Академии. Ей захотелось оказаться подальше от Феодора, от его невесты, от всех этих сплетен и пересудов, поднявшихся по поводу помолвки ректора. И родители, и братья были недовольны, просили ее подумать, не совершать безрассудных поступков... Только сестра поддержала ее и пыталась втолковать родственникам, что если Таис чувствует потребность сменить работу и окружение, прикоснуться к другим граням жизни, значит, ей это действительно нужно, и нечего препятствовать: она взрослый человек! Однако мать, узнав, что Таис собирается пойти работать в церковь, испугалась: уж не в монахи ли собралась?! Девушка уверила ее, что просто хочет на время сменить род деятельности, развеяться, отдохнуть – только и всего. В самом деле, в Парфеноне ее особо не утруждали работой, но и платили, по сравнению с Академией, очень мало. Своей в церковной среде она так себя и не почувствовала, хотя старалась подлаживаться к новым коллегам и даже слегка лукавила: например, на вопрос свечницы Марии, не собирается ли она в будущем принять постриг, ответила, что «подумает», а там видно будет, – хотя точно знала, что в монастырь никогда не пойдет. То немногое, что она прочла о монашестве в святоотеческих книгах, ее нисколько не вдохновило.

За два месяца работы в Парфеноне Таис успокоилась и пришла в себя, даже немного заскучала по Академии. Но решила, что вернется туда – если вообще вернется, ведь преподавать философию можно много где – лишь тогда, когда лицемерие Феодора и Афинаиды рядом перестанет причинять ей боль. На свадьбу ее, конечно, пригласили, в том числе на неофициальную часть, после венчания состоявшуюся на вилле Киннамов, где собрались только родственники и друзья. Отказаться она не могла, как и Феодор не мог не пригласить ее, даже если догадывался, что ей будет нелегко праздновать это событие. Впрочем, какая-то часть ее души, напротив, гордо желала появиться на церемонии и вести себя так, как будто ничего ужасного не происходит: лучший друг любимого брата и ее давний знакомый и коллега наконец-то нашел свою половину! Из того, что Таис успела заметить в день объявления помолвки, и кое из каких слов Василия можно было заключить, что Феодор в самом деле обрел долгожданное счастье в личной жизни. Насколько позволяло бескорыстие, Таис радовалась за него... Но много ли места для подобного бескорыстия остается в сердце влюбленной женщины? Словом, она не ожидала от этого свадебного празднества ничего хорошего для себя. Однако судьба всё же преподнесла ей приятный сюрприз.

После венчания в Парфеноне Феодор с Афинаидой поехали в фототур по городу, а избранные гости, побродив по Акрополю, отправились на виллу Киннамов, где их принимали родители новобрачных. Погода стояла приятная: тепло, но еще не летняя жара, и праздничные столы были накрыты прямо на улице, у бассейна, в тени деревьев и отчасти под зонтиками от солнца. Скоро пришла пора встречать нововенчанных хлебом, солью и вином, после чего Таис, как и прочие, пообщалась с Феодором и Афинаидой, вручив им подарок. Но на большее ее не хватило. После нескольких тостов, когда началась первая свадебная игра и гости стали, передавая друг другу эстафету, высказывать пожелания новобрачным, Таис сбежала в сад и принялась бродить по дорожкам, пытаясь взять себя в руки. Однако затея не удалась, потому что до нее то и дело доносился смех, крики «горько!» и пение старинных свадебных гимнов. В конце концов, спрятавшись в дальней беседке, Таис разразилась слезами. Но погоревать всласть ей не дали – приступ жалости к себе был бесцеремонно прерван чьим-то бархатным голосом:

– И о чем же можно так горько рыдать на свадьбе у друзей?

Таис вздрогнула и подняла голову. У входа в беседку, слегка прислонившись плечом к деревянной увитой плющом колонке, стоял высокий брюнет, худощавый и смуглый, с антрацитовыми глазами, необычайно стильно одетый во всё черное, и с любопытством смотрел на нее. Это был один из друзей Феодора, его имени Таис не запомнила.

– Нервный приступ, – пробурчала она, доставая из кармашка платья носовой платок. – Свадьбы друзей это никак не касается.

Мужчина недоверчиво, как показалось ей, хмыкнул, но ничего не сказал, продолжая бесцеремонно ее разглядывать.

– А вам что здесь нужно? – нелюбезно поинтересовалась Таис. – Вы во всем саду не нашли другого места?

– Представьте себе, я счел, что как раз это – самое подходящее для моих целей. Так что я вынужден вас попросить его покинуть.

– Как это понимать?

– Видите ли, госпожа Куста – если не ошибаюсь? – мне поручили похитить прекрасную новобрачную, и я решил, что ее хорошо бы спрятать именно здесь. Так что я пришел проверить, всё ли тут в порядке. Правда, до момента похищения еще много времени, но мне хочется быть уверенным, что мы с госпожой Киннам не застанем здесь вас, когда придем.

– Ах! – Таис рассмеялась. – Понятно. Что ж, я могу уйти и в другой угол сада, господин... простите, я запамятовала ваше имя.

– Севир Ставрос. – Он чуть поклонился. – Можно просто Севир. Полагаю, вам лучше умыться и вернуться к гостям.

Таис возмущенно уставилась на него. Он еле заметно улыбнулся.

– О, я очень наглый. И всё же стоит последовать моему совету.

– Благодарю! – насмешливо сказала Таис и встала. – Но я как-нибудь сама решу, что мне делать.

Он посторонился, она вышла из беседки и уже сделала несколько шагов по дорожке, когда услышала сзади:

– «Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевною теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо».

Таис остановилась и медленно повернулась к Севиру. А он продолжал читать своим удивительно красивым глубоким баритоном:

– «И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас»,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить

Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда».

– И как? – тихо спросила Таис после небольшого молчания. – Как уйти и не возвращаться больше?

– Надо верить во вселенскую алхимию, – ответил Ставрос серьезно. – Если что-то не сплавилось с вашей жизнью, то оно и не ваше. Чем быстрее человек отпустит не свое, тем быстрее сможет найти и заметить то, что дается именно ему.

– Вам самому это удалось?

Бог знает, почему она это спросила – наверное, просто из вредности. Но вопрос, похоже, попал в точку. Лицо мужчины словно бы потемнело, но лишь на мгновение – потом всё скрыла бесстрастная маска.

– И да, и нет, – ответил он. – В данном случае это не важно. Иногда события развиваются непоправимо. Но это пока что не ваш случай, насколько я понимаю.

– Вы слишком много претендуете понимать.

– Мне просто уже не раз доводилось сталкиваться с подобными историями.

– Вы что, психолог?

– В каком-то смысле. Но не профессионально.

– Оно и заметно. Впрочем, спасибо, возможно, я обдумаю ваш совет. – Она кивнула Севиру и пошла прочь от беседки. Поколебавшись у развилки, Таис всё же выбрала дорожку, ведущую к дому. Досадуя на Ставроса, на себя и на всё на свете, она умылась, потренировалась перед зеркалом в натягивании подобающих празднеству личин и, сочтя, наконец, результат удовлетворительным, отправилась к столам.

– Ты где была? – спросил брат, когда она уселась на свое место рядом с ним.

– Гуляла, – беспечно ответила она. – Здешний сад великолепен! У Феодора есть свой садовник?

– Приходящий, но только для текущего ухода. Внешним видом в целом и новыми посадками занимается Николай Влахернит, один из лучших ландшафтных дизайнеров в Афинах, он этот сад и сотворил. Асма хочет пригласить его к нам, тоже поколдовать хоть немного.

– Понятно, – пробормотала Таис, косясь на молодоженов. «Допустим, Ставрос прав: если не сплавилось, то и не мое. Тогда где же мое? И как его найти?..»

Когда пирующие более-менее насытились, объявили начало танцев. Заиграла музыка, в такт ей замерцали цветные гирлянды на деревьях. Феодор повел Афинаиду на площадку перед домом, Василий с женой тоже поднялись. «Хоть бы Асма не подсылала ко мне никаких кавалеров», – подумала Таис, подливая себе в бокал вина. Она любила невестку, но иногда стремление Асмы покончить с ее одинокой жизнью становилось несколько навязчивым...

– Госпожа Куста, вы позволите пригласить вас на танец? – раздался над ухом уже знакомый голос. Таис повернула голову: рядом с ее стулом стоял Сефир Ставрос. Сама галантность, но в то же время было в нем что-то неуловимо дерзкое – в том как он смотрел? Или в изгибе тонких губ?.. Однако Таис внезапно ощутила, что станцевать с ним было бы приятно. Она улынулась:

– Позволю.

Это был самый потрясающий вальс из всех, что она когда-либо танцевала! Сефир оказался танцором, как теперь выражались, «уровня – бог», особенно благодаря невероятной грации, которая ощущалась в каждом движении. Таис вовсе не была великой танцоркой, но в паре

со Ставросом совершенно забыла об этом, отдавшись музыке, объятиям партнера и пьянящему чувству полета. Когда вальс завершился, Таис выдохнула:

– Спасибо! Вы танцуете божественно.

Он слегка поклонился, улыбнувшись, и спросил:

– Желаете вернуться к столу?

– А у вас есть другое предложение?

Ставрос выгнул бровь.

– Дайте подумать. Можно прогуляться по саду и поговорить о литературе. Можно запустить фейерверк. Можно прыгнуть в бассейн.

– По-моему, вечер еще не перевалил в фазу «можно всё», – со смехом заметила Таис, подумав: «Интересно, кто сейчас флиртует – я или он?»

– Вас это огорчает? – любопытно спросил Севир.

«Какая двусмысленность!» – подумала девушка, впрочем, ощущая, что ей странным образом нравится дерзость этого мужчины, хотя прежде такое поведение ее скорее раздражало.

– В таком обществе, как здешнее, едва ли кто-то станет прыгать в бассейн, а если и прыгнет, то это точно буду не я. Я бы предпочла разговор о литературе. Кстати, чьи стихи вы читали у беседки?

– Николая Гебреселассие.

– А! Да, я немного читала его. Хорошие стихи. Честно сказать, поэзию я не очень люблю, но Гебреселассие мне понравился.

– Не любите поэзию? Почему?

– Даже не знаю, как объяснить... Я люблю отдельные стихи, но не люблю поэзию как жанр. Среди стихов слишком много каких-то... красивых по форме, но непонятных по содержанию. То есть, допустим, я читаю стихотворение и понимаю, что оно красивое, вот тут метафора удачная или красивый образ, вот здесь ритм... И в то же время как-то непонятно, к чему это всё. Автор вроде бы хотел сказать, что-то глубокое, или выразить чувство, ощущение, эмоциональный настрой... Но если мой настрой с этим не резонирует, то есть я не понимаю этого чувства или ощущения, то все эти метафоры и образы остаются просто набором слов, каким-то вычурным, неестественным нагромождением... Или, даже если смысл понятен, часто возникает ощущение, что поэт давит на твои чувства, стремится вызвать у тебя определенные эмоции... Это бывает не очень приятно. Как будто тобой пытаются манипулировать, что ли. Не знаю, почему на меня так действуют именно стихи. В прозе тоже такое бывает, но оно меня не раздражает.

– Проза, даже написанная поэтичным языком, обращается прежде всего к разуму и сознанию, а стихи – к чувствам и подсознанию.

– Да, возможно, дело в этом. Наверное, Платон потому и не любил поэтов. Мало ли что они могут вытащить из подсознания! – Таис рассмеялась. – Хотя в его времена стихи были не такие, как сейчас. Интересно, что бы он сказал о нынешних поэтах... Пожалуй, вот, что мне кажется: что стихи как материал для чтения странны. Читать по книге надо прозу. А стихи... их надо декламировать вслух... или петь. Вот, кстати, песни даже на стихи, которые мне не особо нравятся на бумаге, я люблю. Многие стихи на бумаге кажутся странными или несовершенными, как будто чего-то не хватает. А с музыкальным сопровождением у них появляется новое измерение.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Севир. – Поэзия выигрывает от экспрессивной подачи. Но лично меня всегда удивляло, что сами поэты собственные стихи читать не умеют. Чаще всего у них выходят унылые завывания или какие-то рублиные вопли.

– Да, я тоже это замечала. Но ведь чтение вслух требует определенного профессионализма, как и любое занятие... Вы, кстати, читаете очень хорошо. Наверное, сам Гебреселассие был бы доволен.

– Рад, что вам понравилось.

Они медленно бродили по саду, разговаривая сначала о литературе, потом о философии, затем Таис спросила о профессии Севира и удивилась, узнав, что он химик.

– Я думала, вы гуманитарий.

– И он тоже. Первая моя специальность – история.

– Вот как! Почему же вы ее бросили?

– Не бросил, просто сейчас мало занимаюсь ею. Химия интересует меня больше. Современная и древняя, химия веществ и алхимия жизни.

– То есть вы исследуете любовь и ненависть стихий и людей. Что ж, это очень интересно. Мне вот хотелось понять людей с философской точки зрения, но теперь всё чаще кажется, что куда эффективней понимать их, используя не философию, а нейропсихологию. – Таис усмехнулась.

– Можно и просто психологию. Думаете получить вторую специальность?

– Ну, так далеко я не заглядывала. – Таис слегка растерялась. – Пока просто читаю кое-что для общего образования.

– Вы вполне можете выучиться на психолога, это ведь не так уж далеко от философии, особенно если взять юнгианское направление. Подозреваю, что современный фокизм вам не понравится.

– Да, Фока был уж слишком заиклен на сексуальной теме. Даже странно, что именно у нас возникло это направление. Мне кажется, это как раз Юнг должен был появиться у нас, а не в Западной Европе.

– Совершенно не странно! Там, где не хватает мистики и аскетики, тянутся к ним, а где этого и так слишком много, скорее следует ожидать погружения в плоть. Так что, на мой взгляд, появление Зинова Фоки именно в нашей богоспасаемой Империи совсем не удивительно.

– Хм... Может, вы и правы. Но ведь в последние столетия нас не особенно подавляют аскетикой, разве нет?

– Смотри с чем сопоставлять. По сравнению со средневековьем, конечно, галантный век и последующее время – большой прогресс, но на современном фоне ситуация даже столетней давности выглядит не так уж радужно. Иначе откуда бы Фока и его ученики брали столько материала для своих исследований? В последние десятилетия религиозное воспитание уже так не давит на людей, как тогда, поэтому определенные проблемы стоят не столь остро, хотя инерция религиозных табу всё еще велика. Сейчас более выпукло проявились другие проблемы, поэтому Юнг в большем почете, и это оправдано. Но Фока не перестает от этого быть актуальным. Вы же, надеюсь, не будете отрицать, что сексуальность играет заметную роль в нашей жизни, это ясно и без всякого психоанализа.

– Играет, но фокисты, мне кажется, сильно преувеличивают ее роль. Это важная составляющая жизни, но... Человек вполне может прожить и без секса, даже не будучи связан религиозными соображениями.

Ставрос взглянул на нее.

– Вы говорите так потому, что уже пресытились, или потому, что попробовали и вам не понравилось, или потому, что в вашей жизни секса нет и вы предпочитаете думать, что он не важен?

Таис, к собственной досаде, покраснела.

– Может, мы не будем переходить на личности? Вы всё же не мой личный психоаналитик.

– О, я и не претендую. Но рискну предположить, что вы обесцениваете эту сторону жизни из-за отсутствия удачного опыта.

Таис резко остановилась.

– Едва ли это вас касается!

Однако смотреть на этого мужчину в упор определенно было ошибкой. Взгляд его обсидиановых глаз был странно притягательным, словно засасывал в черную дыру.

– Разумеется. Но это касается вас, – сказал Севир медленно и бархатно. – Да, свет клином на этом не сошелся, и донжуан, полагающий целью жизни одержать как можно больше побед, столь же ненормален психически, как и какой-нибудь сексофоб-аскет. Тем не менее, секс – это божественный дар, а божественные дары охуждать неразумно и опасно. К сожалению, многие люди, в силу разных психологических проблем, неспособны испытать всей глубины переживаний, связанных с ним, или просто стали жертвами неудачного опыта. Поэтому они и считают, что имеет место преувеличение. Но ни поэты, ни романисты, ни Песнь песней не лгут.

– Песнь песней не о сексе, а о любви, – возразила Таис, отвернувшись от Ставроса, и снова пошла вперед по садовой дорожке. – Конечно, у двоих любящих все эти ощущения, наверное, в самом деле... божественны. Но едва ли они будут таковыми у случайных партнеров.

– Ошибаетесь, – спокойно ответил Севир. – Эрос – необходимый элемент любви. Без эроса вообще никакой любви не бывает, и считающие иначе пребывают в плену иллюзий. А любовь бывает разной, как цветы: есть однодневки – утром расцвели, вечером увяли, а есть те, что цветут долго. Вы занимаетесь философией и, наверное, склонны превозносить Афродиту Небесную. Но Афродита божественна в любой ипостаси. Так что, какой бы Эрот вам ни встретился, Афродиты ли Всенародной или Афродиты Небесной, всё равно он – бог и дарит божественное наслаждение. Надо только уметь открыться ему.

– И вы, конечно, умеете, – произнесла Таис с нарочитой иронией. Она не могла разобраться, чего ей в этот момент хочется больше: ударить этого мужчину или... оказаться в его объятиях. Он так мастерски разбередил ее рану! Теперь она поневоле думала о том, что Киннамы в эту ночь вкусят всех оттенков «божественного эроса», а вот она сама... Мысль, что ей предстоит провести грядущую ночь в постели одной, внезапно показалась совершенно невыносимой. А собственное утверждение о плохом качестве секса у случайных партнеров перебивалось соображением, что сегодняшний танец – тоже действие вполне телесное – со случайным партнером был-таки божественным, так почему бы и...

– Не имею привычки рассуждать о том, чего не знаю, – сказал Севир.

«Почему бы и нет?» Таис вновь остановилась и повернулась к собеседнику.

– Тогда, может быть, поучите меня?

В его глазах заплясали искорки.

– Я смогу дать лишь один урок. Завтра я уезжаю.

– Вы не из Афин?

– Я живу в Антиохии.

– Ну, тем лучше, – сказала Таис как можно беспечнее, хотя дыхание ее сбилось, пока она смотрела в глаза Ставросу.

– Что ж, если вы сочтете меня подходящим учителем, я готов. – Он улыбнулся одними уголками губ.

– И как же я узнаю, подходящий вы или нет?

– О, это просто.

В следующий миг одна его рука легла ей на затылок, другая – на талию, а губы принялись исследовать ее рот – да так, что все мысли немедленно покинули голову. Когда Севир отпустил ее, Таис несколько мгновений приходила в себя.

– Да, – наконец, выдохнула она, – учитель вы хоть куда!

Они договорились улизнуть в течение часа после того, как Ставрос исполнит свою миссию по похищению невесты, и вернулись к столу. Вид гостей и особенно брата несколько отрезвил Таис, и, недоумевая, каким образом еще вчера приличная девушка и благочестивая работница Парфенона только что умудрилась ввязаться в такую авантюру, она выпила для храбрости бокал вина, а потом еще один... После чего ей стало хорошо и совсем не страшно – напротив,

она начала ощущать нетерпение. Она впервые так сильно хотела какого-то мужчину помимо Феодора, и это было необычное ощущение. К счастью, до ее состояния никому не было дела: празднество шло своим чередом, с играми, танцами и песнями, и Таис ощущала себя заговорщицей, изредка поглядывая на Севира и гадая, в чем секрет его необычайной харизмы. До нынешнего вечера она даже не представляла себе, что мужчина всего лишь за какой-то час может добиться от нее не только поцелуя, но и любовного свидания! Конечно, Феодор мог бы... Но, раз уж с ним ей ничего не светит... Наверное, дело именно в этом? В нынешней ситуации, в этой свадьбе, в нежелании сегодняшней ночью остаться одной. И пусть рассудок и благочестие постоят в сторонке! А Бог – что ж, Бог простит и это, Ему не впервой...

Ставрос откланялся примерно через полчаса после возвращения невесты и уплаты «выкупа»: Феодор должен был угадать названия и продолжить чтение нескольких стихотворений, первые четверостишья из которых цитировал похититель. Читал Сефир, надо сказать, виртуозно, буквально завожжив слушателей, и Таис не без тайного удовольствия подмечала взгляды, которые кидали на него некоторые женщины: ведь сегодня этот мужчина достанется ей! Пожелав новобрачным сполна вкусить даров Киприды, Ставрос покинул застолье, а минут десять спустя Таис получила свиток: «Карета подана. СС», – и тоже стала прощаться. Брату она объяснила, что завтра с утра пораньше ее ждут дела в Парфеноне, поэтому хорошо бы пораньше лечь. Новобрачным сказала просто, что ей пора идти, и пожелала им «сладкой ночи» – высказать это, предвкушая собственный «урок» со Ставросом, оказалось не так уж трудно.

– И тебе, Таис, – с улыбкой ответил Феодор, и она заподозрила, что он о чем-то догадывается, но размышлять об этом не хотелось, и она, помахав рукой остальным гостям, быстро зашагала к воротам.

По дороге они с Сефиром почти не разговаривали, сидя рядом на заднем сиденье такси. Бог знает, о чем думал Ставрос, Таис же чувствовала, как в ней всё сильнее бурлят желания, которые она долго подавляла и – он был-таки прав – обесценивала. Дома она выдала гостю полотенце и пару вешалок для одежды и отправила его в душ, а сама быстренько привела в порядок спальню: убрала со стола в ящик фотографию Киннама, задернула шторы, разобрала постель, вынула из шкафа красивую сорочку и зажгла ночник из цветного стекла, погрузивший комнату в уютный полумрак. Ставрос вошел бесшумно, с полотенцем на бедрах, и без подсказки хозяйки повесил свою одежду на стойку у двери. Девушка окинула взглядом его смуглую фигуру: худощавый, но мускулистый, он и не в танце двигался удивительно грациозно, точно кошка. Сефир повернулся к ней, и она со словами: «Располагайтесь, я сейчас», – проскользнула мимо него в коридор. Приняв душ, Таис надела сорочку, сунула в корзину снятое белье, а платье повесила на спинку стула в другой комнате и направилась к спальне, но у самой двери остановилась, охваченная внезапной нерешительностью. Хотя уж теперь-то отступить было точно поздно и глупо. Сквозь чуть приоткрытую дверь на пол падала полоска красноватого света. Таис вздохнула раз, другой... и услышала голос Севира:

– И долго ты собираешься там стоять?

Да уж, надо было это предвидеть! Она-то бесшумно передвигаться не умеет... Таис вошла. Ставрос полулежал на постели, до пояса прикрывшись одеялом.

– Я не буду кусаться, – сообщил он. – Хотя некоторым женщинам это нравится. Но ты, похоже, не из их числа.

Таис рассмеялась, подошла к кровати и села.

– Извини, – проговорила она. – Я... Честно сказать, у меня давно никого не было.

– Не беда. – Он откинул одеяло и, приподнявшись, притянул ее к себе мягким, но властным движением. – Просто доверься мне.

Она провела ладонью по его груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.